

ДНЕВНИК 1911—1914 гг.

Вступительная статья и публикация А. И. Хайлова

Писатель начал вести публикуемый дневник, когда внешне в его литературной судьбе уже многое определилось: он был молодым, но признанным литератором, автором нескольких книг стихов и прозы, готовилось к изданию, и стало выходить в свет собрание его сочинений. Но в то же время внутренне Толстой определился еще не вполне, еще не было ясности, в каком направлении станет развиваться его творчество. Блестящее развило тему «Заволжья», писатель в известной мере исчерпал ее; чтобы не повторяться требовались новые краски, идеи, сюжетные повороты. Печатью такого рода поисков отмечены в ряде случаев и теоретические наброски в дневнике.

Гораздо значительней представлены в дневнике толстовская наблюдательность, богатство его творческих интересов. Толстой обращал внимание на многое. Пытаясь преодолеть творческие затруднения, он настойчиво искал новые мотивы, жанровые решения. Отсюда разнообразие дневниковых записей, обилие проб, замыслов, начал. Вот начало рассказа о девушке, стоящей на фоне стены: детали портрета, одежды, особенности освещения проработаны, выписаны неторопливо, основательно, но еще не видно главного, ради чего затянута зарисовка, и рассказ оборван в самом начале. Вот запись, содержащая завязку комедии: в деревню на ярмарку приезжает некий «он», возбуждая интерес окрестных барышень. Запись перечеркнута... Многие записи представляют собой готовые сценки, диалоги, наблюдения — писатель ищет новую или продолжает старую тему. На страницах дневника рассыпано немало художественных зерен, из которых могли бы «прорасти» повести или рассказы (в записях «К Игровам», «Игровки. Рассказы Сарматова» и т. д.). И они, действительно, появились, зерно «прорастало» в таких рассказах, как «Сатир», где краткая запись, уловленное в ней настроение, обогащенные воображением художника, развились в новеллу с полуфантастическим сюжетом.

При этом нельзя забывать и другого обстоятельства, которым предопределялось разнообразие тем, наблюдений и мотивов дневника,— само свойство таланта и личности Толстого, стремившегося проявить себя по-ренессансному во многом. Даже в моменты наибольшей увлеченности той или иной темой, писатель не считал необходимым долгий творческий послух. Для него важно было прерваться, перенести внимание в другие сферы искусства и жизни, чтобы затем объемнее осуществить задуманное вначале. Художественное целое вырастало на основе постоянного многостороннего взаимодействия писателя с внешним миром.

Художник должен побывать всюду, испытать многое, считал Толстой. Вот почему столь обширна география его набросков и записей: Париж и Петербург, Варшава и Берлин, Москва и глухая провинция — захолустное Чердаклы, деревня Войкино; Урал — Екатеринбург; Белоруссия — Куликовичи; юг — Сухуми, Феодосия, Коктебель, Отзуы...

В записях Толстого, сделанных за границей, глубоко чувствуется русский человек, для которого парижский дождь слишком «апологичен», совсем не то, что наш стремительный и шумный ливень. В дорожной записи Толстой набрасывает иронический портрет русского путешественника, который,

побывав за границей, смотрит на российскую жизнь удивленно, с оттенком какого-то менторства. Но, оставаясь при этом художником национальным, Толстой в то же время тонко ощущает и передает внутренний мир и подробности жизни других народов, например простых людей Абхазии.

Едва ли не основное в дневниковых записях — то, что выхватил взгляд художника: шумный парижский танцзал, фигуры живописцев и поэтов, собравшихся в салоне московской меценатки, лица пассажиров на пароходе. Люди разных сословий и характеров. Наблюдения не только острые и впечатляющие, но и беглые и летучие: случайно увиденная в трамвае дама, захмелевший полковник за ресторанным столиком, хозяева писчебумажной лавочки, куда на минуту зашел писатель. Все это чем-то напоминает прозу, которую современный нам художник обозначил термином «мгновенья», — разные мгновенья писательской жизни.

Однако было бы неверно думать, что дневник Толстого — лишь «склад» любопытных фактов, а окончательное их осмысливание состоится позднее, уже в ходе работы над произведением. Как для всякого истинного художника, для Толстого процесс творчества был органичен и неделим. Вот почему дневник писателя нет оснований рассматривать как «запасник» несвязанных друг с другом наблюдений. Дневниковые записи — один из необходимых этапов писательской работы, где кристаллизуются те или иные темы, где в самом обилии наблюдений прорисовывается отношение художника к миру.

Характер этого отношения связан с реалистической природой таланта Толстого, которая проявлялась и тогда, когда писатель пытался понять идеи и тенденции символистского искусства. Существенно, что увлечения новейшими веяниями в литературе не заслонили для Толстого эстетической, идейной продуктивности классики. Как показало последующее развитие художника, ориентация на творческие принципы классики оказалась несомненно перспективной. Она определила характер ряда осмыслений в дневнике, например петербургской темы.

В разработке этой темы на страницах дневника мы встречаем и следы литературного ученичества в духе Ремизова, попытки увидеть Петербург в таинственно-поэтическом свете, поразмышлять об очаровании одиночества в Петербурге вдвоем. Но не менее ощутимо в записях художника передана радость освобождения от томительной петербургской действительности во время поездки на юг («Я потек струей соленой...»). В переписке и в дневнике складывается иной, более реалистически точный, вбирающий противоречия жизни аспект понимания столичного города: «Петербург — куда все нации и племена посылают отбросы — хищников, сутенеров, убийц, воров, грабителей, конкистадоров. Петер(бург) беспросветно-сырой туманным днем, промозглый с зеленоватым светом ночью. Петербург и т. д.

И в Петербург посыпает Россия юношество в школу, в горнило, в науку».

Еще в письмах И. Анпенскому (1909 г.) Толстой отмечал, как трудно ему, писателю, освоить исторически близлежащую действительность. Дневник демонстрирует нам эту трудность. Но записи в дневнике со всей отчетливостью показывают и то, как, обдумывая и наблюдая именно современную жизнь, писатель открывает в себе качества, которые разводят его с эстетической символизма и, напротив, сближают его творческие пути с путями продолжателей русской реалистической школы. Речь идет о том серьезном интересе Толстого к народной жизни, народной точке зрения, к социальным

противоречиям русской действительности, без понимания которого наш взгляд на дневник был бы неполон и неверен.

В этом отношении многие записи и сценки, могущие первоначально показаться случайными (уличные встречи с простыми людьми и беседы с ними), были для художника существенны, даже принципиальны. Вспомним женщину из простопародья «в коричневой рваной шали», рассматривающую лубочную картинку или сценку, как «на семик девки пришли плясать». В этой пляске, пожалуй, больше безысходной тоски, чем веселья и радости. Да и «усталые и пыльные после барщины» зрители смотрят на пляшущих почти равнодушно. И еще короткая запись — потрясающий рассказ о том, как солдат в санитарном поезде отказывался принимать пищу: «Как же я могу есть, когда мне пишут из Пензенской губернии: жена с голоду помирает». Толстой не может пройти мимо открывавшихся перед ним картин русской жизни. Он наблюдает, «как мальчишки у стрелочников будки катились на салазках», «как на грязном шлагбауме стоял стрелочник и держал перед животом палочку — свернутый флаг». Его внимание привлекает девочка на пожарище «с башмаком в руке, на ящике из-под машины», старушка, что «крестилась и целовала образ (...) долго прижималась к мерзлому стеклу иконы».

В записях Толстого присутствует народная Россия, и это, на наш взгляд, выделяет их среди известных нам дневников иных, даже видных его современников (скажем, Брюсова, Кузмина).

Дневник Толстого не замкнут, у него есть выход в будущее. И если исследователь трилогии Толстого, в частности его романа «Сестры», попытается обнаружить истоки эстетически противопоставленного народной России, подчас гротескового изображения связанный с модернистскими кругами духовно опустошенной интеллигенции, то он не сможет миновать толстовского дневника, его убийственно-иронических записей, например записи о ханжестве религиозного философа Свептицкого. В самой «масочности» иных зарисовок людей этой среды (художник «с подергивающимся ртом», председатель философского кружка, который, казалось, «строил рожи» докладчику, «улыбающийся уродец» на одном из собраний) словно запечатлены черты изжитости, очевидные писателю на пороге исторических перемен, которые уже тогда Толстой не мог не ощущать и на которые не мог не реагировать как художник.

Дневниковые записи открывают, быть может, и нечто большее: сам интерес писателя к эпической форме, связанный с попытками найти магистральные творческие пути, поддерживался, подкреплялся его вниманием к событиям русско-японской войны и русской революции 1905 г. И хотя интересные и развернутые записи «1905 г. Рассказ Веньки. Москва», «1905 г. К роману. Рассказ военного корреспондента» не получили творческой реализации, в них уже намечались поиски Толстым закономерной связи романа и современности, романа и истории, которая будет глубоко и всесторонне раскрыта в его творчестве советского периода.

Материалы дневника позволяют судить, как протекали те или иные этапы творческого процесса; случалось, что наблюдение сразу приобретало художественно-обобщенные формы. Дневниковая запись в этих случаях содержит почти все компоненты будущего произведения (скажем, рассказа «Барон»). Впрочем, так происходило довольно редко. Первоначальная твор-

ческая запись Толстого чаще не подробна, не развернута. Однако она либо содержит какие-то любопытные детали и сцены (например, сцену разбойного нападения, подробное описание нравов уральских заводчиков), которые затем соединяются, завязываются сюжетным узлом в рассказ (в данном случае — «Харитоновское золото»); либо фиксирует важные моменты жизни героя — так возникает в толстовской передаче рассказ режиссера Малого театра Платона о неудачной судьбе актера, который потом превратился в новеллу «Трагик».

Впрочем, было бы рискованно предложить какую-то типологию творческих записей: они слишком разнообразны. Порой кажется, что Толстой может воссоздать художественное целое, отправляясь от любого звена будущей художественной структуры — от наблюденной им черты характера, от странного предположения художника о том, что на петербургских улицах среди обычных людей ходят... сатиры («Сатиры»). Писатель едва ли не в равной мере ищет типическое и неожиданное, чтобы с помощью непривычного ракурса обнажить суть явления, характера. На заседании общества «Свободная эстетика» он видит нелепую фигуру мещанки Лосевой, которая «точно только что вылезла из перины». На фоне восхищенных замечаний современников, например М. Цветаевой¹, о том, что силуэт крымской горы возле Коктебеля удивительно повторяет профиль Волошина, Толстой дает свою интерпретацию этого сходства, шаржированно сниженную (запись «Из Фиалкина [на профиль горы]»). Писателю необходима такая «разность потенциалов», контрастный перепад между традиционно ожидаемой и неожиданной авторской оценкой. Контраст движет художественную мысль, придает ей остроту и объемность.

Дневник демонстрирует характер новеллистического мышления писателя, его интерес к анекдоту, шаржу, парадоксу. Толстой записывает народные суждения о цапле, которая, стоя на отмели, будто бы привлекает к себе рыб растопыренными пальцами ног, похожими на червяков, о мужике, сбросившем с крыши гнездо аиста в огонь, после чего аист «стал таскать голо-вешки назад на крышу и сжег хату...».

Толстой буквально охотится за выраженными в нескольких словах сцеплениями характера и сюжета, ситуации и сюжета. Десятки таких новеллистических «заготовок» разбросаны по дневнику: о девках, которые, испугавшись, что их возьмут на войну (прошел такой слух), «стали выходить за кого попало», о бывшем офицере, бросившем ради скрипки службу, но не решавшемся выступить с концертом («Травин»), об образованном старичке-атеисте, усомнившемся в своем неверии («А ну, как есть?»), о немке-гувернантке, которая запирала детей в холодный шкаф, и т. д. и т. п. Едва ли можно сомневаться, что даже бытовой рассказ для Толстого — это как бы первоначальная, но уже в высокой степени обобщенная форма постижения действительности, схватывающая что-то безусловно интересное. Поэтому так часты записи услышанных писателем рассказов: «Рассказ Веры Э.», «Рассказ Веньки», «Рассказ Широкова», «Рассказ военного корреспондента», «Рассказ Ин(н)ы», «Рассказ Ракитина», «Рассказ тетки», «Рассказ Кандаурова», «Рассказы Макса»... Толстому важно не утратить остроты первого взгляда, которая составляет силу рассказа; и не отсюда ли настойчивые подчеркивания: «Не забыть», «Вспомнить». Писатель стремится запечатлеть происходящее, виденное — характерную деталь, приметы будущего героя, его фамилию.

К сожалению, Толстой не всегда фиксировал, как планировалась и шла работа над тем или иным произведением. Он и впоследствии отмечал, что редко когда составлял планы своих предстоящих работ; нет их и в дневнике, где встретишь разве что краткие указания, как использовать материал («Тема», «К игрокам», «Вообще описать» и т. п.). И тем не менее, сопоставляя записи дневника с текстами произведений, можно судить о том, как развивалась мысль художника, как складывались родовые и жанровые предпочтения и взаимодействия в его художественной практике.

Мы видим в дневнике еще не угасший интерес Толстого к стихам. Но это по большей части уже не лирика в чистом виде, а поэзия, как бы идущая навстречу прозе: письма в стихах, дружеские послания, стихотворения «на случай», шутливые характеристики друзей и знакомых. Эпическое вытесняет лирическое и одновременно впитывает его, образуя пастрой и ритм толстовской прозы, характер изобразительности которой сказался, например, в изящной записи, сделанной в Париже: «В воскресенье утром в Клозери...».

Как уже отмечалось, Толстого увлекают возможности больших форм. Осенью 1910 г. писатель сообщал одному из постоянных своих адресатов: «За лето я написал роман; с февраля приступаю к новому роману, а рассказы более не удовлетворяют, слишком искусственная форма и вообще — рассказчики»². «Романческие» записи в дневнике количественно не велики, но по-своему последовательны. Видно, что писателя мысль о романе не оставляет. Раз возникнув, она через какое-то время является то в виде пометы «К роману», под которой записаны несколько историй-рассказов, то как «прекрасный сюжет для главы в романе», то в виде рассуждения, что «для романа нужны — искание „холодного тона“, поиски абсолютной красоты, создание настроений».

Пожалуй, более подробны записи Толстого, относящиеся к «Неверному шагу» (1911) и «Приключениям Растегина» (1913). Речь идет о тех впечатлениях и наблюдениях, зафиксированных в дневнике, которые в дальнейшем послужили материалом для повествования. Как показывают записи, собранный материал оказался шире использованного. Наблюдая, писатель еще не знал, что и как ему пригодится в дальнейшей работе. Дневник содержит, например, целый ряд сделанных на Кавказе записей о повадках животных; это, по сути, небольшие милянтуры. Иные из них стали эпизодами «Неверного шага», другие, по-своему не менее интересные, сохранились лишь на страницах дневника. Окончательный выбор был, очевидно, связан с той складывавшейся в работе над повестью художественной мерой, чувством целого, которое побуждало к ограничениям даже самых любопытных подробностей. С другой стороны, логика оформлявшейся художественной идеи требовала развития характеров (Беклемищев и его тетка, отец Андрей), развертывания ситуаций и картин — тех сцен, где действие происходит в городе, в обществе обожающих праздное веселье местных дам, чтобы подчеркнуть бесодержательность, мелкость окружающего, которая лишает героя веры в жизнь, толкает к роковому шагу.

Записи, сделанные к «Приключениям Растегина», использованы в окончательном тексте с большей полнотой, ибо сатирический взгляд на поместных монстров и существователей был выработан Толстым ранее — в «Заволжье». Черты одного из таких монстров — Бориса Полозанинова — повторены с незначительными отклонениями в характеристике Семочки Окое-

мова. Обращаясь к дневнику, исследователь получит возможность установить прототипы и ряда других персонажей произведения, выяснить жизненную основу тех или иных его мотивов. Но и в этом случае роль творческого пересоздания жизни художником достаточно велика.

Искусство Толстого, при всей глубокой связи его с реальными ситуациями и лицами, никогда не ограничивалось такой связью. Может быть, и несколько преувеличивая степень художественного претворения, Толстой записал в дневнике: «Искусство — это преодоление реальности, но не утратившее с ней внутренней связи».

Дневник Толстого, содержащий сведения о нем самом и его современниках, является ценным источником для изучения как биографии писателя, так и литературно-художественной жизни 10-х годов XX в.

Его ценность повышается тем более, что свидетелем и участником событий культурной жизни той поры является наблюдатель-художник, зоркость взгляда которого помогает нам проникнуть в суть явлений, и в то же время дневник позволяет узнать самого Толстого, что называется, «из первых рук». Поэтому даже фактам жизни художника, нам уже известным в записях, всегда добавляется писательский взгляд (хотя Толстой и пытался поначалу записывать «безоценочно»), добавляются те подробности и особенности художественного видения лиц и событий, которые нигде, кроме как в дневнике, не почерпнешь.

Летом 1911 г. и весной 1913 г. Толстой жил в Париже, городе, который он знал и раньше (с 1908 г.) и который любил. Читая дневник, мы получаем уникальную возможность пройтись вместе с Толстым по парижским улицам, побывать в модном магазине у Лафайета, окунуться в шумное веселье цирковых аттракционов и балаганов парижской ярмарки, посмотреть достопримечательность Парижа — «бал Бюлье», танцзал, где выбирают королеву красоты и где собирается повеселиться студенческая молодежь. И каждый раз Толстой всматривается в людей — случайных, увиденных на улице, в кафе, Люксембургском саду: старичка, заснувшего, красного от выпитого вина, лакея, опускающего полосатые шторы, девочку-няню на прогулке. Он рисует портреты знакомых или просто интересующих его людей, скажем, известного французского стихотворца и драматурга, «короля поэтов» Поля Фора. И этот портрет «пьяного мечтателя», который посыпает письма богатым людям, чтобы купили его книжки», поражает четкостью деталей, прописательностью взгляда художника, который выявляет в облике поэта тщеславие и тоску, его одиночество среди пестрого люда литературного кафе Клозери дс Лия.

Таких портретов, иногда развернутых, психологически проработанных, чаще схваченных одним-двумя штрихами, в дневнике великое множество. В этом отношении дневник — галерея портретов современников, может быть, в чем-то перекликающихся с известными силуэтами Е. С. Кругликовой, в парижской мастерской которой Толстой некоторое время жил и где встречался со многими художниками.

Исследователь живописи найдет для себя в дневнике Толстого не менее любопытного, чем литературовед. Толстой проявлял большой интерес к личности талантливого живописца Н. Н. Сапунова (ему посвящено несколько записей). Писатель был хорошо знаком с художниками В. Белкиным, А. Лен-

туловым, М. Сарьянном, о встречах с ними не раз упоминается в дневнике. Красочна запись о посещении писателем вечера у Е. И. Лосевой, светской дамы, у которой собирались московские живописцы; колоритны краткие зарисовки ее гостей — пейзажиста Н. П. Крымова, издателя А. М. Кожебаткина, художника Милиоти, поэтов Волошина и Городецкого.

Ценны дневниковые записи, свидетельствующие о встречах и попытках творческого сотрудничества Толстого с В. И. Немировичем-Данченко и К. С. Станиславским, его заметки о посещении спектаклей МХТ — «тургеневского», где Константин Сергеевич играл в «Провинциалке», «Гамлета» в постановке Станиславского, Суллержицкого и Гордона Крэга, равно как и восторженная запись о посещении балета с участием Анны Павловой.

Как характерную черту времени дневник Толстого зафиксировал многочисленные в те годы собрания и встречи художественной интеллигенции — то на «средах» у Вячеслава Иванова, то в «Бродячей собаке», то на вечерах московских меценатов, то на заседаниях религиозно-философского кружка, в «Обществе свободной эстетики».

Большой и довольно самостоятельный кусок дневника относится к пребыванию Толстого в Коктебеле летом 1912 г. (посещение Коктебеля в 1914 г. отражено в дневнике слабо). Писатель, как известно, был связан с Волошином давней и тесной дружбой, любил и ценил его поэтический дар. Именно в Коктебеле Толстым были осознаны творческие принципы собственной прозы. В Коктебеле он стремился работать. Под заголовком «Новая пьеса» «Феодосийская газета» сообщала 29 июня 1912 г.: «Писатель граф Ал. Н. Толстой, проживающий в настоящее время в Коктебеле, пишет по специальному предложению режиссера, руководителя выдающегося драматического театра, первое свое драматическое произведение». Это была драма «День Ряполовского». Намечалась совместная с Волошиным работа над комедией из современной литературной жизни³. Заметы о коктебельских «творческих мгновениях» встречаем и в дневнике: Толстой и Волошин «сочинили об сонете и поэме»: «Поездка с Петей, Людви^{гом} и Бел^{яевым}, в Коктебель ночью. Чтение Тютчева...».

В Коктебеле было много стихов. Свои стихи Толстой записывал в дневник. Серьезные — о кораблях, скользящих по водам Понта, «словно призраки печали». Но больше — шутливые, такие, как сочиненные им вместе с Волошиным для местного кафе «Бубны», — о молодом художнике Людвиге Квятковском, о матери Волошина Пра, «воюющей» с дельфином, о самом Максе. Включаясь в общую атмосферу розыгрыша и мистификаций, Толстой даже придумал авторскую маску доморощенного философа, поэта-футуриста Фиалкина, автора трактата «Семена мудрости». Но еще больше в коктебельских записях — встреч, событий, которые порой позволяют воссоздать жизнь всех гостей дома Волошина с хроникальной точностью. Так, дневник фиксирует общение Толстого с наиболее близкими друзьями Волошина — Эфронами, сестрами Цветаевыми. И в то же время дневник показывает и более сложное, более объективное отношение к волошинской игре, к коктебельскому «островному» временипровождению. Не потому ли в записях Толстого один из участников коктебельских затей на вопрос, зачем он надел темные очки, отвечает: «Скучно. Надо же что-нибудь делать», а сам Толстой, как бы подчеркивая камерность местных событий, называет свою хронику «Коктебельские фактики».

Среди толстовских записей выделяются и связанные с поездкой писателя летом 1913 г. в Симбирскую и Самарскую губернии. Толстой посетил Симбирск, был у своих родственников в имении Г. К. Татаринова Войкине, у Н. Н. Анненковой, совершил поездку по Волге, заезжал к композитору А. Т. Гречанинову. Писатель побывал у многих из местных землевладельцев, встречался с крестьянами и помещиками, потариусом, учителем. Его зарисовки — это картина разоряющейся и ветшающей дворянской жизни, опустившихся помещиков и вместе с тем жизни народной, жизни большой и прекрасной Родины, открывшиеся взору художника ее «косогоры и пестрые поля», лошади «на лиловом откосе», видные с парохода волжские просторы, береговая «невысокая гряда, то лиловатая, то голубая»...

Отдельные записи дневника впервые напечатаны (с сокращениями): в примечаниях Ю. Л. Крестинского к Собранию сочинений Толстого в 10-ти т. (1, 616; 617; 618); в связи с объявлением о выходе наст. книги — в ЛГ, 1983, 5 янв. Дневник 1911—1914 гг. публикуется впервые, по подлиннику, поступившему в 1982 г. в ИМЛИ (ф. 43, оп. 8).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ К ДНЕВНИКУ 1911—1914 гг.

А. Белый — Андрей Белый. Между двух революций. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.

Вересаев — Вересаев В. Невыдуманные рассказы. М.: Худож. лит., 1968.

Кругликова — Е. С. Кругликова. Жизнь и творчество. Л.: Художник РСФСР, 1969.

Куприянов — Куприянов В. Т. К истории взаимоотношений А. Н. Толстого и Максимилиана Волошина. — Радянське літературознавство, 1974, № 7.

Пяст — Пяст В. Встречи. М.: Федерация, 1929.

Сапунов — Сапунов Н. Стихи, воспоминания, характеристики. М.: Изд. Н. Н. Карышева, 1916.

Фейнберг — Фейнберг Л. В Коктебеле у Волошина. — Дон, 1980, № 7, с. 180—191.

А. Цветаева — Цветаева А. Воспоминания. 3-е доп. изд. М.: Сов. писатель, 1983.

¹ См.: Цветаева М. Живое о живом. — Лит. Армения, 1968, № 6, с. 102.

² Куприянов, с. 70.

³ См.: Купченко В. Остров Коктебель. М.: Правда, 1981, с. 12.

(ДНЕВНИК 1911—1914 гг.)

Из того, что мы видим, сознаем лишь малую долю, а запоминаем [лишь] ничтожную часть этой доли, но нам дана мечта, которая по этим обрывкам воспоминаний восстанавливает мир.

26 марта. Прочитывал сейчас листы 2-й части романа¹, пропасть ошибок, думаю, что это повредит впечатлению. Интересно бы настолько позабыть свою вещь, чтобы прочесть как новую. Так я позабыл «Аггей Коровин»² и, читая, почувствовал очень ясно (как никогда) все достоинства и недостатки.

Сегодня мы с «Шиповником»³ купили замечательные сапоги — первый шаг для поездки на Кавказ сделан.

Собственно, для поездки на Кавказ я и завел эту книжку: странно и трудно писать дневник, нужна привычка к безоценочному истечению мыслей. Кажется, всего полезней будет заносить встречи, факты и наблюдения. Так и поступлю.

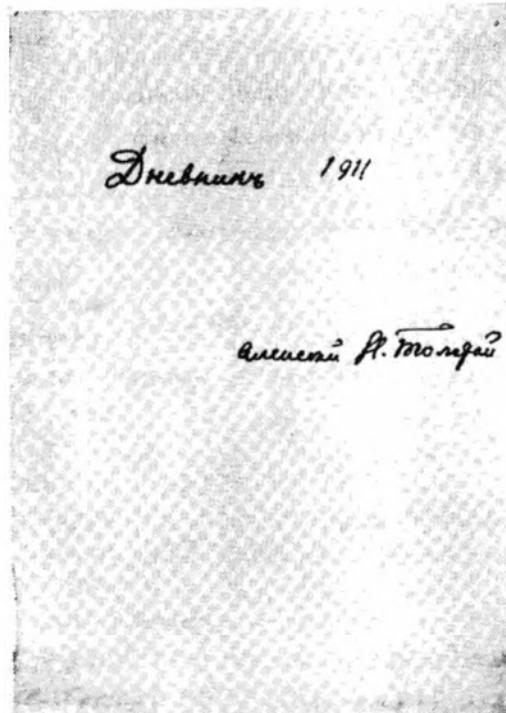
Сегодня Саша, Лизунчик⁴ и я были в Зимнем дворце. Меня поразило вырождение вкуса, чем старше комнаты и обстановка, тем строже убранство и великолепней. Особенно интимны покой жены Ал~~ександра~~ II. Она была кокетливая и нежная женщина. Недаром ванна ее (синяя, как и спальня) вплоть примыкала к спальне мужа. А комнаты Ал~~ександра~~ II похожи на дом земского деятеля, недостает только семян на бумажках повсюду. Залы теперешних приемов обезображенны блюдами. Словно деньги прилеплены там, где должны быть картины и фрески. Дворец пуст, ветх и ждет только, чтобы превратили его в музей.

27 марта. Соня⁵ и я ездили в Гатчину. Снег в полях был белый без синеватых теней, в канавах и лощинках желтели снежники. Но мальчишки у стрелочниковской будки каталась на салазках. Увидев поезд, они оставили игру и смотрели на окна вагонов. На грязном шлагбауме стоял стрелочник в грязном полуушубке и держал перед животом палочку — свернутый флаг.

Подале от столицы этим делом занимаются бабы, даже дети. Направо пути лежат лесистые холмы, налево — жалкие остатки леса. В Гатчине Соня по привычке выпрыгнула из вагона и испугалась за ребенка. У вокзала стоят множество потрепанных извозчиков, наперебой предлагая себя [пассажирам] проходящим. Но изо всех поехал какой-то худой господин в золотом пенсне, с русой бородкой, в высокой шапке, очевидно, приезжий.

Тихонов⁶ смотрел в окошко. Собаки нас встретили еще на лестнице. Событие — Дези ощенилась четырьмя; приплод здесь называют пометом.

Поговорили о мелочах: о Дези, о «Современнике»⁷, из которого Тих~~онов~~ ушел, об Кунгербурге⁸. Смотрели Дези. Она лежала в лукошке, на чистой простыне: похудела. Глаза блестели, как угли, от злости и страха. Зарычала даже на хозяина. Потом пришел Куприн⁹ и Роза Люс — художница из Парижа, черная, худая, с темными раскосыми глазками, утиным носом. Недобрая и обозленная. Во

Титульный лист
Дневника А. Н. Толстого.
1911—1914. ИМЛИ

все время ничего интересного не сказала. Только когда по телефону Куприн говорил с Рапопортом ¹⁰ и сообщил: «Сейчас с вами будет говорить хорошенькая барышня», взяла трубку, сказала: «Говорит с Вами барыш^{ня}», но не хорошенькая...» и далее — «ага, сразу догадались». Куприн был сдержан и предупредителен. Искося поглядывал на меня. Я рассказал про Абиссинию и золото ¹¹. Он подумал и сказал: «А Вы меня разожгли» — и словно завтра мы и едем, просил не передумать и непременно ехать. Сказал: «Меня деньги пиською не интересуют, я к ним равнодушен, но хотелось бы писать не торопясь, когда хочешь. Сейчас я хочу писать только детские книжки и выпускать по одной в год». Пил умеренно.

Рассказывал, что, приходя в Балаклаву в кофейню, восклицал: «Дать всем кофею». «С сахаром (5 к.) или без сахару (3 к.)?» «С сахаром». И все ему кричали «ура».

После обеда сел в гостиной у окна, перелистывал альбом; очевидно, пищеварил. Его позвала Е. В.¹² (она была накрашена, в голубой пелерине, синие глаза и пышные волосы (светлые) перевязаны коричневой лентой).

Тихонов много рассказывал, про охоту сначала, потом про собак, это его любимая тема. Тогда остановится, ощерится и передние нижние зубы у него высокочат. Поминутно вытирает слезу в правом глазе; щеки у рта толсты, как у бульдога. Одет в темно-серый костюм и мягкие полусапожки (у Куприна замечательные ноги, устойчивые и маленькие). Была также жена Куприна ¹³: бледная, маленькая, с длинным упрямым лицом. Часов в 6 Куприны и художница ушли. Тихонов [по вечерам] любит пасьянс. Карты хранятся в коробочках, истрапанные подрезаются и подклеиваются. Любит снимать дрянным аппаратом и отдает снимки увеличивать. Курит из кокосового мундштука. Говорили о пьесах. Он сказал: «Самое длинное (из 4-х действий), третья, второе и четвертое самые маленькие. Нужно хорошо знать заранее конец, чтобы написать. Писать смаху».

30 марта. Вчера вечером заехал ко мне Чуковский ¹⁴ и, как всегда, дрыгаясь и мечась по комнате, [сбивчиво сообщил, что] сказал, что меня ждут у Н. Ф. Анненского ¹⁵, где сидит Короленко. Чуковский, захватив «Сорочьи сказки» ¹⁶, уехал, а я поспешил к Анненскому.

Живет он на Басковом, 17. Звоня в дверь, я слышал громкий смех и голоса. В прихожую вышла племянница Анненского ¹⁷ и выскоцил Чуковский, который, кстати сказать, знакомил меня со всеми по два раза, я уже представился, а он тащил за руку и знакомил. В небольшой комнате с голубыми ширмами на диване сидел Короленко и в углу Анненский, и рядом с ним Кривич ¹⁸. Анненский приветливо поднялся и крепко пожал руку. Короленко немножко рассеянно, словно утомленный или думающий о другом человек, тоже подал руку, но вяло. Чуковский вертелся на своем стуле и все время говорил, и чем громче кричал, тем спокойнее они отвечали. Короленко вертел в руках финский нож, ножны от которого

лежали подле. Потом стал рассказывать о своем хуторке. Анненский только вставлял фразы и всегда остроумно.

Чуковский хватался за боковой карман, говоря, что надо записывать. Говорили о Бернштаме¹⁹. Племянница Анненского осуждала его, упрямо и краснея от смущения, настаивая на своих суждениях. Когда пришли в столовую, я успел рассмотреть обоих. Анненский совсем седой и красный, с носом, как у Фета, и лукаво-добродушными глазами. Манера есть стариковская. Короленко тоже сед, но с коричневым оттенком. Курчавый и спокойный, скулы немного монгольские, а глаза глубоко сидят. В разговоре [мало] остроумен, но не артистически, не то Анненский^{ий}, который никогда не машет руками. Чуковский похож был (он больше всех говорил) на злую и смелую собаку, которую много били и которая боится и скалит зубы.

Короленко²⁰ принес гравюру — автопортрет Шевченко²⁰ и огорчился, узнав, что это совсем не уник. Трогательно видеть дружбу его с Анненским²¹. Они глядят друг на друга, чутко следят, добродушно посмеиваются, и ясно, если умрет один, другой не вынесет тоскливой разлуки и во всем — в мыслях и вещах — найдет половину самого себя; совсем как inseparable²¹.

Сегодня на дворе у Ященко²² я глядел, как разрушают рабочие дом. Маленький мальчик, близко подойдя ко мне, явственно сказал: «Послушай, ты похож на барышню», и повторил это несколько раз. Я посмотрел на малыша. У него бледное лицо, прозрачные серые глаза и рот не ребенка, чувственный и серьезный. Странные дети.

Был на vernisаже Венецианова в Музее Александра III-го²³. Видел Аничкова²⁴, папа Maqueau²⁵, Кустодиева²⁶ (который был холоден из-за Сологуба²⁷), Ивана Странника²⁸.

Проходя Гостиным, встретил Н. А. Ауслендер²⁹. Она, как раньше, держала за руку, в чем-то извинялась, от шляпы на ее щеку падала золотая кисточка. У Сережи начало чахотки. Его везут сначала в Финляндию, потом на кумыс.

16 апреля — Кавказ³⁰. Беклемишев³¹ — худой, сутулый и рыжий с большими голубыми глазами, никогда не чешется, бреется раз в месяц, моется не всегда. Сегодня льет дождь, море грязное, померзлые пальмы еще больше поникли. Беклемишев³² сидит у окошка, покрикивает на собак, собирается сечь гусыню, которая не сидит на яйцах. Читает по почам запоем, проглатывая по книжке в ночь, причем не знает ни автора, ни названия. Когда поздно поутру тетка приносит ему стакан чаю, он курит и опять читает. В комнате пахнет бог знает чем — кожами, порохом, потом, окурками и грязью. На столах беспорядок, в котором Беклемишев³³ один разбирается. Тут же ящик с орехами и яблоками, большая кружка с водой; повсюду «реликвии» охоты. Книжки кипами набросаны повсюду. На кровати грязные простыни сбиты. Когда, наконец, он встает, то сразу кричит: «Исты!». Тетка добродушно ворчит, и в столовой у нее шипят уже две керосинки.

Тетка, видя в нас людей интеллигентных, с утра до вечера говорит с нами о школах, о Кони³² (терпеть не может: фигляр), о Сологубе (старый развратник), о Китайской войне³³, современной молодежи — интеллигентных тружениках (это ее сфера), о сухумских дамах, которые ищут всегда кавалера, который кормил бы их в ресторане «до расстройства желудка», о Толстом³⁴ (кумир), о деторождении (отрицает); все время ходит — сухонькая и черная, курит папироски, смеясь, закрывает рот и словно воркует; почти ничего не ест. Беклемишев дразнит ее: «оригинальная женщина», на что она: «Что это, Борис, [глупости] полно тебе глупости молоть» или «Право, Борис, у тебя одна гниль в голове», или «Ну, он еще совсем глупый». Тогда Борис «казнит ее», то есть схватывает на руки и вертит. Этого она очень боится.

Она читает все, даже словари, видела очень многих.

Борис дразнит ее «Афонька проклятый».

О животных³⁵

Медведь после спячки выбрасывает пробку, упругую и такую твердую — мячем не возьмешь. Тотчас после спячки он еще не худой и шерсть на нем прекрасная. Спустя же 2 недели беготни худеет и лезет. Спасаясь от собак, кидает в них камнями. Однажды медведь увидел на поляне рассеченное дерево, стал с ним играть, отвел лапами одну половину, та ударила и затрещала, медведь под эту музыку стал танцевать на зад^{них} лапах.

Лиса, когда увидит ежа, — помочится на него, он развернется, она его и съест.

История с немкой-гувернанткой, которой в кувшин положили лягушат, немка стала обливаться, лягушата на нее посыпались.

Соединить это с гувернанткой, которая, распустив волосы, играла на цитре, а детей запирала в холодный шкаф.

История с библиографом-нигилистом, который в пьяном виде бегал с топором. Сваливался с копны и спал в лесу, покрытый инеем.

О зверях

Утка. Когда утка хочет снести яйцо, она начинает усыплять селезня. Чешет ему головку и шейку. Селезень наконец засовывает нос под крыло и засыпает, а утка потихоньку сбегает с бережка в воду, подплывает к гнезду (заранее сделанному в камышах) и несется. Если селезень заметит, то яйцо расколет.

Коза. Коза не сразу позволяет самцу на себя пасть, она кружится около дерева до истощения.

Рогач-олень. Охотится ночью, зазывая на рожок в пихтовом лесу.

Медвежата катятся с горы, во время погони, шариками.

Медведь-муравьятник раскатывает муравейник, съедает м^уравьиные яйца, потом прикладывает лапу и слизывает муравьев с удовольствием.

Через балки переваливают медведи — 7 штук, след в след — это медвежья свадьба. Если выстрелить — разорвут. Охотник сидит за кустом, между пальцами два патрона. Медведица шагов за 30 остановилась, посмотрела, рявкнула и пошла вверх. Все 6 самцов на том же месте останавливались, рявкали, оглядываясь, и шли за самкой.

Сюда же приобщить случай, как м^{едведь} утащил двух лошадей. Медведи хоронят убитых товарищей (убил, повесил на куст башлык, пришел ^и утащили, сосали рану, закопали).

(Речка Бзыбь, Баул, местечко Псху).

Как медведь залез над пропастью на поваленную и качающуюся пихту, пятился то вперед, то назад, наконец, сорвался в Бзыбь.

Барс шляется где попало. Ирбис серый в пятнах, с белым брюхом, не спускается ниже ледников.

Горная индюшка. Предупреждает туров об опасности, высунет голову из гнезда — кли, кли, кли, и спрячется. Она же собирает на зиму турам сено.

Отец Андрей — пустынник в великом постриге

О. Андрей ушел в горы на большой хребет. Ушел от великого распутства. О. настоятель на духу отдал его палкой за баловство с богомолкой. На хребте он посеял картошку, построил шалаш. Около росли груши, когда-то посаженные черкесами. Приходили медведь и кабаны. Медведь тряс группи, и кабаны их жрали, медведь очень сердился. Однажды ночью пришел тигр из Персии. О. Андрей залез в шалаш; ноги наружу, думал, что если тигр начнет жрать ноги, успеет он отходные молитвы прочесть; монах со страху «труслился». Тигр поревел и к утру ушел. О. Андрей однажды пошел на хребет. Налетела гроза. Он хотел укрыться в пещеру. Только сунулся в темную дыру, оттуда фыркнуло, большое, будто копна, [еще] другой и третий... Видит о. Андрей: голова с рогами и бородой. «Чорт», — подумал он и побежал. Потом одумался и стал подходить — из пещеры вышли зубры. Видел о. Андрей — в лесу салфетка постлана, сидит монах расстегнутый и держит двух баб³⁶.

Барсук. Барсук читоплотен, лиса пачколя. Чтобы отбить у барсука нору, лиса залезет, нагадит и уйдет. Барсук вернется, рассердится, вычистит. Лиса опять, пока нору не отобьет.

Медведь нагадит, словно колымажку опрокинет; когда ест орехи, сломит ветку, обожрет орехи и ветку под себя и т. д. Около каждого дерева — гнездо. Любит ос, орет, когда его ужалят в нос.

Петушок не видел, как ястреб налетел и чиркнул его по спине, петушок увернулся [и] под колымажку и оттуда кричит: «Тудить твою, тудить твою».

Барсук сушит грибы на зиму. На дереве стоят грибы корешками кверху. Сухие убирает, новые приносит в морде (передними лапами на бревно, фыркает).

Сова видит иной свет, когда светится вся земля ночным, таинственным светом.

Дурак живет на Псеху. Ведь помидоры — корову кормить. Барсук.

Куртка. Женитьба на чухонке.

Абхазский князь Саджая или Анчабадзе, княжна Эшер.

Князь Джето.

Имена: Камчич, Мачич, Юсуф.

«Очень сиверко и неприятно».

(Княжна топится в круглом голубом озере).

Селение — Цебельда, Гунурфа, Эшеры.

За Гудаутом — Лыхны — селение, где стоит многотысячелетний дуб, под ним собирались абхазцы в старые времена. Граница Абхазии и Мингрелии.

Самурзакань.

Абхазский бедный князь нанимает батрака, сеет кукурузу, сам же охотится, сын его ободранный ходит из духана в духан с кобчиком на руке. Абхазцы целуют ему полу.

Когда мингрелец (или абхазец) в трауре — отпускают волосы и бороду.

Едят кукурузу — мамалыгу.

Женщины у абхазцев никогда не работают, разводят шелковичных червей, не работают, только ткут, прядут и вышивают. Любят швейную машинку.

Женщины носят шаровары, юбку, разрезанную спереди и сзади, на голове черный платок. Любят все черное. Духанщики все мингрельцы. Мингрельцы православные, абхазцы же православные и магометане.

Если абхазец честный, он спит вместе со скотиной, если вор — скотина его гуляет³⁷.

Петр Николаевич³⁸ и его коты. Кот-молотобоец. Племянницы. Собака Нарачка (таинственная). Котов кормят печеньками в полночь.

Рожанский³⁹ во время революции придумывает слово — вместо гражданин — «свободай».

Париж. Июль 1911⁴⁰

Дождь

Мы сидели на Б^{ольших} бульварах в Cafe des Italiens. Было томительно душно и зноично. От проезжих автомобилей поднималась вместе с пылью удушливая вонь. По той стороне, приближаясь, кричали наперерыв разносчики газет так громко, что можно было подумать — провалилась вся Франция. Разносчик г^{азет}, схватив в редакции несложенную пачку, бежит с ней, на ходу сует ее между ног, выхватывает один лист, свертывает и продает за сущ.

Но солнце вдруг скрылось. Ночью еще была гроза, а дождь все еще не мог разрешиться. Я оставил около Сони шляпу и пошел бриться. В парикмахерской [уже] зажгли огонь — так стало [было] темно. Парикмахер точил бритву о ладонь — хороша ладонь! Когда я вышел, упали первые капли. В Cafe лакеи опускали жалюзи и закрывали сбоку полосатые шторы. Мгновенно верхи у экипажей поднялись. Пробежала дама через улицу, подняв юбку. А дождь падал все сильнее. Но это был не наш стремительный и шумный ливень. Здесь он шел «апологично»... [И вот] Я глядел на окна углового дома. На их черных квадратах были заметнее струи. Едва запахло сыростью. И вот налево ветер сорвал листы с каштанов, и наискось полетели на улицу, *(на)* верхи экипажей желто-зеленые листочки. Один упал на зонтик бегущей женщины и прилип. Сидевший рядом с нами француз указал на него соседу пальцем ⁴¹.

Вчера, 26-го, Ре-ми ⁴² начал мой портрет. Сегодня сидели в кафе с *(1 нраб.)*. Обещался подарить бронзу.

31-го. Сегодня утром зашел к акушерке. Соня, конечно, не думает лежать. Чувствует себя так же, как и вчера — легкие боли. Когда она брала ванну, я сидел в Клозери д^е Лили ⁴³. Напротив за круглым столиком сидел Поль Фор ⁴⁴ и писал письмо: неспешно, обдумывая, иногда поднимал глаза и глядел в пространство. Лицо его погрубело, нос огромный и на сторону, так, что он оттягивал иногда левую ноздрю и шмыгал. Волосы черные, масляные: причесаны с пробором; галстук, заколотый блестящей булавкой, скрывает, очевидно, плохое белье, черная курточка и сомбреро... По временам Поль брал стакан с абсентом и отхлебывал, не разжимая губ, словно это действительно было вкусно. Взял ложку и, вынув [лед], бросил на пол. Потом помахал письмом, надел шляпу и пошел на почту. Когда вернулся, на лице его выражалось некоторое удовольствие: написал, так вот и нетерпение, что нужно ждать ответа. Потом открыл адресную книгу, перелистал и, вынув из кармана листки со стихами, стал просматривать, все чаще заглядывая в пространство не то что старыми или усталыми своими глазами, а преждевременно стосковавшимися, такие бывают у грудных детей и собак. Когда же *(1 нраб.)* дошел до листков корректуры, щеки у него слегка порозовели от довольства, и сжатые губы под усами чуть улыбнулись. А рядом с ним, с этим пьяным мечтателем, который отсылает письма богатым людям, чтобы купили его книжки, сидели [и] ржали, и вытирались платками три бородатых француза, приехав на автомобиле. Потом подошел к Полью веселый, краснощекий в сером касторовом *(1 нраб.)* и сел рядом.

[Лист] А каштаны почти облетели, а листва, что осталась, по-желтела, и сквозь нее небо [было] казалось синим. Синим оно стало в первый сегодня день, и с моря шли грядами белые облака.

Снова солнце надо мною
Сыплет пылью золотую
В темно-синей глубине,
Или это снится [только] мне?

Верю, верю: мир чудесен,
В мире [много] столько милых песен.
[Нужно только все любить,
Только солнце возлюбить.]
Все пост: земля и высь;
Этой песне подчинись.

Эта песня, как видно,
[Горе падает на] Тянет горести на дно.
Смерть уходит (1 преб.), охмелев,
Страшен смерти тот напев.

[Только если запоет] Кто ж [усталый] не веря запоет
[Не поверя в силу песни] Этой песне до конца.
Станет пламя у лица
И как лист его свернёт.

25/7 августа

Неуютный такой стол.

10 авг. У Фомы Аквинского⁴⁵ звонили часы: 3 часа и еще четверть утра, и через пять минут родилась у Сони девочка⁴⁶.

12 авг.

Ответ Минскому⁴⁷

Я благодарен комплименту,
А дочь ответит Вам спустя,
Когда сама пойдет, плетя,
К лицу подобранную ленту.

Что будет с ней в 16 лет,
Рождеппой под созвездьем Девы:
Уже сейчас влюблен поэт
И расточил свои напевы.

О [Вам] Вы, чьё имя странио-бело⁴⁸,
[Понятия тайны] Следите числа высоты,
Где полуночная омела
Простерла звездные листы;

Прочтите надписи и [числа] тайны...
Что говорит Вам эта ночь?
И будет ли необычайна
Моя парижская дочь?

Начало рассказа

Опираясь обеими руками на зонтик, у стены дома стоит девушка в *красном* суконном, от ночного света багровом платье. Юбка обхватывает ее узкие бока, а под лифом не видно белья. На ногах [черные] лакированные башмачки, завязанные накрест красными лентами; на голове черная с большим бантом шляпа, под которой видно, с одной стороны прикрытое наискось тенью, бледное, ничтожное и худое лицо, [а темные веки ее] глаза в темных краях.

Марьяна родилась, когда Солнце вошло в созвездие Девы и когда Марс подошел к Сатурну почти вплоть. Три ночи две эти звезды горели над Парижем — одна зеленая, другая алая, потом разошлись.

21 сент.

От стен далекия Москвы⁵⁰
Слова привета долетели,
И зову северной свирели
Внимаю па брегах Невы.

Живем, как все. У Вячеслава⁵¹
Вчера мы слушали стихи,
Они прекрасны, как грехи.
И вечная их увенчает слава.

Письмо Чулкову⁴⁹

А оперу свою Кузмин
Поставил в «Малом»⁵², по газеты
Ругают все. Жестокий сплин.
И хмурятся у нас поэты.

А что ж еще. Здесь ни души,
Ни Городецкого, ни Блока⁵³,
Сандра⁵⁴ живет теперь далеко.
Привет жене. Прощай, пиши.

Отъезд в Феодосию⁵⁵

(Конец апреля)

Я потек струей соленой,
Став па [носе] баке корабля,
Мелким бесом истомленный⁵⁶,
В Киммерийские поля⁵⁷.

Мне не падо обаяний,
Для мечя [был] пусть вечен пост.
И па мачте обезьяний,
Словно знамя, вился хвост⁵⁸.

Переделано со старого

Две речки

Долго плавал белый сокол,
Сел под вечер на осокорь.
А татарин злой в траве
Наговаривал стреле:

«Ты, лети, стрела, свисти,
В груди соколу пади»

• • • • •

Попович — колокольный дворянин.

Цапля-барин рассказывал про Одиссея.

У цапли-барина была долговязая дочка, ходила она в синей шубке и полюбил ее гусь на дворе. Мальчишки, которые жили у цапли, презирали любовь и потому придумали повесть про Софью Николаевну, у которой были поклонники — присяжные поверенные,

худые, бледные и во фраках, их звали «интеллигентными». Софья Николаевна была богата, иногда уезжала, а «интеллигентные» бежали за поездом оченьшибко.

Мерседес была влюблена в Сашу. Писала письма. Жила в Бордо, и оттуда тетя и Катя писали Саше, что Мерседес все плачет. Саша резко ответил, чтобы к нему не приставали. В Бордо приехал Н. А. Неделю он не замечал Мерседес, а потом внезапно всей сущностью почувствовал ее скрытую страсть и весь зазвенел ей в тон. Так начался их роман, где Мерседес решилась мстить. Они уехали в Париж. Вернулись в Бордо, и Мерседес была страшно груба с тетей и Катей. Вновь они уехали, и Мерседес давала концерты. Н. А. ужался, просил (I нрзб.) и т. п. Мерседес его бросает. Он в Бордо. Мучительная зима. Опять сходится с М. недолго, и ее увозят родные и помещают в клинику. Н. А. в Петербурге у Саши, рассказывает ему про всю свою жизнь — все потеряно, одиночество, холод⁵⁹.

Ник. Ник., когда напился, то сказал, что он теперь «в общих чертах»⁶⁰.

Котовники⁶¹

В Верхне-Исетском заводе живут разбойники, которых зовут котовниками. Есть итальянец. Ходит в церковь, а зимой ночью садится с товарищами в кошеву и катят в Екатеринбург. По пути накидывают на проезжего аркан и волочат по снегу. Грабят.

Однажды близ Исетского завода наскочили они на проезжего и проволокли 1/4 версты, а у дороги стоял столб. Проезжий ухватился за столб и остановил тройку. Разбойники кричат...

— Руби веревку. Это Ванька Ергин. [А то всех]

Котовники «подламывали» магазины.

От Харитоновского дома в Харитоновском саду есть подземный ход под озеро в саду.

Ход ведет в подземелье. Там Харитонов⁶² держал людей на цепях и чеканили монету.

Харитонов играл с Екатериной и расплачивался своей монетой. Екатерина знала это. Делала вид, что не знает.

Есть в Екатеринбурге Миллионная улица (богачи Симоновы, Бекетовы, Коробейниковы, Телегины). Деньги держат в кубышках.

В сильные морозы продают венцы и предметы из ртути, выдавая их за серебро.

Продавали головы сахара изо льда.

Золото в кирпичиках.

Демидовы⁶³ также чеканили монету.

Золотопромышленники когда кутят, многое творят, также делают на дороге у села заставу из четвертей с водкой.

Есть Китайский клин — золотая земля. Государь послал наследника в Японию невесту сватать и за ней взять Китайский клин. Мужичонка в деревне собирал по 30 к. с души на Китайский клин.

В Китайскую войну прошел слух, что будут составлять полк из девок. Все девки забаламутились и стали выходить за кого попало. [Одно время] Одна вышла за сидячего, ползал вокруг алтаря ⁶⁶.

Беклемишев с борзыми

Беклемишев едет за тенето, чтобы смотреть на охоту. Волки сворачивают к тенетам. 2 запутываются, 1 убегает. Беклемишев его травит. Приторочил. Второй волк. Травит. Сбор охоты. Князь говорит, что нет той гадости, которую бы не пожелал (борзая так вливается, что нужно ее отдувать в ухо). Пирушка и т. д. История с попом и бутылкой шампансского.

Михеев

Золотопромышленник. Учится в гимназии. Юрьев. Запой, кутежи в Москве. Работный дом. По выходе оттуда любит всем показывать порты и рубаху, как перебрасывают камни мостильщики улиц. Живет в деревне. Влюбился. Украл из-за мести ребенка, увел в лес, боится ходить через плотину.

Травин

Бывший офицер. Бросил для скрипки службу. Играет прекрасно, но во время концерта не может.

На него нападает «ездунец». Уезжает тайно и скрывается. Дает концерты и не играет. Часто принимают за жулика.

Сон

Маргарита Васильевна ⁶⁵ сняла комнату в публичном доме. Все время молится богу, утром у нее гости, и девки пьют кофе, который она благословляет.

Я и Макс ⁶⁶ сидим на зеленом пригорке, откуда все это видно. Макс очень печален. Когда мы сходим, чтобы поговорить с Маргаритой Васильевной, дом пуст. Комната ее пуста, только мусор в углу на полу: Маргарита Васильевна умерла.

Сон о жар-птице, которая взлетает колесом вверх и превращается из [белой в] черной в белую. Из перьев ее, упавших на землю, я варю волшебный напиток.

Рассказ Веньки ⁶⁷

О себе

Сидела Елена Александровна ⁶⁸. У Веньки припадок злых мыслей, душа его раздваивается, он любит Елену Александровну и бесконечно бы страдал, когда бы она ушла или умерла, а при этом холодное и тайное желание свободы, освобождения от всех уз, даже любовных.

Вера Александровна спрашивает, что с ним. Он, после предупреждений, рассказывает. Вера Александровна очень огорчена. Тогда у него отчаянная тоска и чувство одиночества. Он берет роговую ложку для сапог и неспешно ломает ее на куски. Хочет поранить руку. Вера Александровна испугана. Ему легче. Он садится у окна и тихо плачет. Тогда его настроение с самого начала передается Веру Александровне. Он просит ее поплакать. Она прилегла на подушку, и слезы полились из глаз.

Тогда у обоих настроение [как у] покоя и тихой радости.

О доме

Дом представляется ему кораблем, который мчится [в неизвестную] в пустоте времени, а куда и когда придет — неизвестно.

О Ник. Ник.⁶³

Н. Н., читая ноты, слышит звуки и понимает идею творящего. Он скрытен и всегда говорит приятное. Иногда от тоски захочет выпить рома с чаем. Сейчас же охмелесет и начинает открываться, но спутанно и сбивчиво и скромно, ему тяжко жить, он очень одинок. Проводив кого-нибудь, идет по Невскому и заходит во все кабачки, где рюмочку, где стаканчик пива. Пристают проститутки. Он разговаривает с ними, заходит где знает куда. Возвращается опять пешком со смутными мыслями. [Кроткий] Смирный, одинокий и неудачливый.

(О преступлении. О Терехове. О Саше).

Ольга Аполлоновна⁷³

Старушка, а делает вид, что порывы у нее детские. Постоянно [делает] желая быть очень любезной и приятной, делает неловкость, па миг от нее стесняется, забывает и говорит без умолку ([ела желе] перед ней тарелка с желе, когда прислуга хотела убрать, воскликнула: «Мне жалко отдавать, это так вкусно», зацепила полную ложку и быстро отправила в рот, причем громко чмокнула, законфузилась и отодвинула тарелку).

Рассказ ее о детской игре, поднесенной государыне (как она пела «да») и о письме государю. Боится шпионов, себя называет маленькой мушкой. Мания — что у нее хотят выкрасть ее изобретения.

Она говорит: «Всю жизнь я прожила как в тумане; теперь стала писать мемуары, и все стало ясным. Что забылось — вспомнилось».

Мечты

О [городе] замке «Дельфины»

На Венецианом корабле⁷¹ живет паршивенецкий актер и с ним девушка нечеловеческой красоты. По ночам она кричит на весь коридор и будит соседей, которые выходят в коридор кое в чем и переговариваются.

1910^{г.}) Сочинена под музыку песня про Беньку.

Посмотрите, словно бог,
Петербургский наш Ван Гог.
Спит он в ящике, как пес,
Горе чорт в овраг унес.
Денег нет — он обойдется,
Он по Невскому пройдется,

Стукнет, топнет каблучком
Пред веселым кабачком.
Он да Водкин ⁷² — оба два,
Живы милые едва.
И без всяких перемен
Гог Ван Гог и Поль Гоген ⁷³.

Надпись на книге «Бродячей собаки» ⁷⁴ 31-го 11 г.

Темной ночью город спит,
Лишь котам раздолье.
Путник с улицы глядит
В [странное] темное подполье.

Есть подполье, где живет
[С черной маской дама] В черной маске дева.
Пусть на воле снег и лед,
Ей какое дело.

Зачарует сквозь окно,
Не спимая маски.
И пойдешь, пьяным-пьяно,
Ночевать в участке.

А ну как есть?

Образованный богатый старишок покупает имение, селится. Поп дружится с ним. Огорчен неверием старишки. Уговаривает поверить, но старишок его разбивает.

Когда у попа все доводы исчерпаны, он говорит однажды:

— Убедить я тебя не могу, а ты попробуй доказать, что бога нет? Не докажешь. А ну как бог-то есть?

Задумался старишок и усомнился, а потом попу молебны стал заказывать и построил храм.

О ноздрячке

Я видел студента в театре. В очках, с бородкой, очень бедный, шел, закинув немногого голову, и ноздри у него были круглы, [как] словно раздуты, а рот плотно сжат. Я подумал, что он очень гордый и озлобленный бедностью, поэтому ходит всегда с плотно сжатым ртом; [а через ноздри ему можно] так что через ноздри я заглянул ему в душу.

Вячеслав ⁷⁵

Огнем палил сердца [и души] доныне,
И, строя огнестолпный храм,
Был саламандрою Челлини ⁷⁶
И не сгорал ни разу сам.

Но только отблеск этот медный
Чела [и бородатых] и лика, впалых щек
Был знак таинственный и вредный
Тому, кто тайно души жег...

Но как Самсон погиб от власа...⁷⁷
Твоя погибель крылась где?
Вокруг полуночного часа
В самозажжеппой бороде.

Очень характерная черта — вместо разговоров писать поутру письма. Лева⁷⁸ подписывается Кочерыжкин — и отдает письмо через прислугу.

На катке: пьянистенный бродяжка, выпить хочется, а работать (сгребать снег) не хочется. Староста его прогоняет... «Уходи за ворота»... «Чего?»... «Уходи». «Я?»... «Ты, конечно, ну ступай». «Нет!» Идет работать и мешает. («Пошел, ты, на ноги наступает»). Лицо смазливое, французское, говорит, его запрокидывая, пышные усы, а зубов нет. Просит меня. «Извините, нет ли трех копеек, не хватает на маленькую». «Нет, проши у старосты». «Ну, спасибо». Рукава его пиджака тонкие и очень длинные.

В сторожке балалаечник, моралист, хотя мальчишка. В сторожке всегда едят, готовя тут же на печке. <...>

Сатиры⁷⁹

По Петербургу ходят сатиры, похожие на Сандро, постарее. Ум их в тумане, из которого выплывает женское лицо, и сатир устремляется за женщиной в неистовом возбуждении. Их много в Пассаже, на трамах...

Ольга Аполлоновна

Саша рассказывает про Вену. Ольга Аполлоновна молчит, потом вдруг говорит:

— А они (венцы) дерутся молча.

— Как так?

— А вот французы, они шумят, с шумом дерутся, русские ругаются, а они молча, вот так (показала руками, засмеялась. Все замолчали).

1905 г.

Рассказ Веньки. Москва

Митинг в реальном училище Фидлера. На следующий день вся Москва оказалась в баррикадах. На Страстном монастыре (напротив Пушкин) поставили пулеметы и жарили по всем улицам. На домах по Каретному ряду стены испещрены пулями, словно дождь прошел. Вдоль Тверской палили пушки. Извошки с шиком пролетали поперек Тверской и потом рассказывали: «Бомба как шварк-

нет под лошадью». Студент входил в подъезд, его подняли на штыки. Когда его везли на ломовом, пальто на нем стояло коробом от замерзшей крови, как железное.

Около Сухаревой башни, на углу Сретенки, икона с неугасимой лампадой. Едут казаки, пьяные. Мужчина с козлиной бородкой (он на икону собирает) издевается над казаками, язвит. Казак не вытерпел, налетел и шашкой все по железу. Зарубил и помчался по тротуару, пьяный, с вытаращенными глазами.

Ходят слухи, что по Николаевской будетпущен товарный поезд, полный динамита и [весь] полгорода взлетит. Будто из Орехова-Зуева идут 40000: рабочих, с ног до головы вооруженных⁸⁰.

После взятия фабрики Шмита революционеры бежали по водостокам на Москву-реку, и многие спаслись.

Мин по Рязанской дороге ехал с семеновцами и расстреливал всех сам после допроса, говоря: «Ну, иди», и стрелял в затылок⁸¹.

На баррикады приходили запасные с Дальнего Востока, оборванные, с любопытством взглядывались в стрельбу. Просили: «Дайте-ка попытать» и, взяв маузер, били без промаху.

В Петербурге Венькин приятель ходил по вечерам на 18 линию перестреливаться с черносотенниками. Надевал для этого отрепье и брал револьверчик лефаше.

Бегают по высш^{им} учебн^{ым} заведениям, везде сходки, на сходках слухи и слухи.

Желание и воля к чему-либо – [суть] феномены постоянные, логично и обязательно вытекающие из причин.

Факты – случайны, причинная их связь темна и часто не совпадает с желанием и волей.

Символическое искусство (литература) должно брать лишь те факты, которые в логической причинности совпадают с причинностью желания и воли.

Посещение Галерной гавани, Елагинского фарватера и потом Сизова⁸². (...)

Не забудьте, что в среду 7 марта в 11 1/2 веч^{ера} в зале Шебеко⁸³.

Кабаре, на котором нужно ухитриться:

- 1) одновременно смотреть на сцену, слушать, пить и есть,
- 2) нарушать общественное спокойствие веселостью, не теряя однако самообладания и
- 3) с приятностью заботиться о других и о самом себе.

А что все это значит, видно будет на месте.

«Вклеенная в дневник вырезка из газеты»⁸⁴

Учащие начальных училищ города Самары: Д. Аноимов, А. Иванов, Ю. Иванова, протодиакон П. Руновский, Ю. Касилова, А. Вол-

кова, Л. Богомолова, Е. Гравицкая, Е. Никольская, Кудринский Петр, М. Вишнякова, Молина, Л. Краснодэмская, А. Пташкина, Добронравова, З. Тихова, Е. Борщова, А. Стрелкова, С. Катина, Е. Гравицкая, П. Жаркова, В. Зимина, М. Михайлова, Е. Скобликова, К. Пономарева, П. Шаланова, В. Филаретова, Ф. Утенская, Е. Мыльникова, Е. Егорова, П. Теплякова, А. Борщева, Л. Иванцова, В. Федорова, С. Илькина, М. Семихатова, А. Киняпина, Е. Бойко, П. Дельнова, Е. Быстрицкая, Е. Гусева, Л. Бурдонов, А. Быкова, М. Сочнева, Т. Соловьева, Н. Циплакова, Е. Афанасьева, А. Захарова, М. Григорьева, Р. Станевич, А. Лепоринский, А. Лаврская, О. Гусева, П. Покрова, А. Корелина. Всего 57 подписей учащих.

Чорт

Студент. Лицо треугольное, губы — ниточки. Нос большой с горбиной, глаза огромные, длинные, полузакрытые. Высок и сутул.

Торговые бани в Бузулуке Степана Максимовича Щекотурова... Сим извещаю почтеннейшую публику г. Бузулука и окрестностей его, что мною при существующей бане открыто семь номеров...

Лозунг мой в полном смысле: пар и кипяток. Цены общедоступные для всех и каждого.

Актер

Мал, волоса вихрем, лицо кувшином. Сел и, глядя на пол, заговорил наизусть. Антрепренер жулик. В сапожке 4 р. 50 к. сбору, у официантов взял залогу, чтобы расплатиться за зал. Дал похабный фарс... Во втором акте публика уходит, возмущается, требует деньги обратно. В провинции, если именины, — театр пуст, все на именинах и т. д.

Разговаривая, привставал, показывал продранный зад, говорил, что ехал зайцем на дровах; указывал на брюки, [говорил] уверял, что сюртучная пара (дадено 65 р.) заложена за 4, потом две «дивных» рубашки и 2-е кальсон на станции у буфетчика за 1 р. 50 к.

Обижен на богатых актеров и актрис, у которых сундуки с туалетами и 2 сундука с ботинками. «Им что, если не заплатят, а я до вида Аркашки⁸⁵ дошел».

Когда я дал ему денег (он сам проговорился, что билет в Москву на телячьем п^оезде стоит 3 р. 20 к.). он поспешно тряс мою руку, говоря растроганно: «Спасибо, граф».

До этого, видя, что я не предлагаю денег, он ввернул: «Ну, и подумаешь, не расстаться ли, знаете ли, с жизнью» и, опустив голову, (1 нрзб.).

Говоря об одном театре, сказал: «Сцена вот с этот стол. В первом акте 75 ролей, из кот^{орых} половину и выбросить. Что же получится, как на сковороде селянка» — и т. д.

На следующий день явился другой, повторял те же движения, повыше, красный и с гнилым ртом, вошел, не снял пальто и, похвачивая, рассказывал и просил.

Около лубочной картинки

Лубочная картинка — мытарства пьяницы — выставлена в окне по Малому пр^оспекту на В^{асильевском} о^{строве} в церковном доме. Перед окном стоят несколько человек: маляр, двое приказчиков, баба, девочка и господин в скунсовом воротнике.

Баба смотрит, говорит девочке: «Это верно, у нас был дядя Тихон, как напьется, всегда говорит: «Вижу и вижу черта, зеленый, правда», а вот это не правда (пьяница, которого душат дети), мертвого это они могут, а он, видишь не мертвый...».

«Бочку катят с вином», — говорит приказчик.

«Человека задавили», — говорит другой.

Маляр вздохнул:

«Это тоже правда».

Говорит баба: «Убили его по голове, мертвый. Смерть без покаяния». Налево надпись: «Пьяница продает последнее имущество кабатчику» — [баба поджала губы], поморгала, махнула рукой и отошла. Была она в коричневой рваной шали, кот^орая закрывала и рот. Пошла тихо, юбка на ней черная, выше щиколотки, драная; потом стала около колбасной, но ненадолго.

Господин со скунсовым воротником так и не понял, на что глядят.

Не забыть, тема

Об Алешечке, мамаше и трех дочерях. Рассказ Широкова ⁸⁶.

Фамилии:

Князь Ряполовский ⁸⁷. Граф Остафьев.

[Пьеса

Нормальный акт — 33 минуты. Моих четвертушек 40—45.

Ярмарка в селе. Каждую ярмарку появляется неизвестно откуда: буйный помещик — он окружен фантастическими слухами. В селе усадьба. Барышня приехала из Пет^{ербурга}, только что окончила Смольный. Неожиданно [во] по всей пьесе оказывается, что она очень много знает, даже больше, чем нужно. Ее роман с фантастическим лицом и есть канва пьесы.

Одна картина. Барышня и гости идут на ярмарку отыскивать Его. Он может появиться в самом фантастическом виде. Гости останавливают и расспрашивают простых мужиков — здесь бытовой смех, доходящий почти до буффонады. Это живописнейшее место-пьесы.]

1905 г. К роману ⁸⁸

Рассказ военного корреспондента

Он познакомился с офицером. Офицер просит его приехать к нему (в деревню, где стоит). Он обещает. Офицер дает телеграмму жене: *наконец-то приезжает*. Офицер два дня выезжает к нему навстречу верхом. Приводят в фанзу, запираются, и всю ночь у них разговор. Офицер ставит вопрос: «Кишки или не кишки?» (Сизо-лиловые, он видел их у товарища, которого разорвало шрапнелью).

Офицер страшно тиранит его. И под утро только открывает дверь и говорит: «Теперь едем, довольно», провожает его на станцию и прощается с холдком. При встречах последующих они оба словно стыдятся чего-то.

2-я история.

Поручик N стоит на позициях в окопах, оттуда посыпает ординарца в фанзу к г^{осподу}м офицерам с просьбой прийти кому-нибудь. Офицеры удивлены, смеются. Один простой, первобытный встает и идет ночью 5 верст к позиции; придя, обнимает N, крестит, целует и, ни слова не сказав, уходит. Этой ночью N — убит. Ему нужно было только, чтобы его поцеловали и перекрестили. (Приятно сидеть в такую ночь при лампе).

3 рас^{сказ}.

Офицер идет в атаку. Японцы подпускают на 10 шагов. Когда уже явно, что неприятель близко, офицер засовывает шашку в ножны, закладывает руки назад и идет, через секунду он убит.

4<-й> рас^{сказ}.

В санитарном поезде. Солдат не ест три дня. Его никак не могут заставить, наконец, санитарные врачи собираются, надевают мундиры и, подойдя, приказывают [ему] солдату, солдат, бессознательно повинуясь дисциплине, принимает пищу. Его спрашивают — почему не хотел есть?

«Как же я могу есть, когда мне пишут из Пензенской губ^{ернии}: жена с голоду помирает».

К Игрокам⁸⁹

Рассказ Н. Н. Сапунова⁹⁰. Ночные рестораны в Москве. Мужской хор. Запевала старик, весь одетый в красное кафтанье. Камин, лубочные обои. После все едут к Жану в деревянные кабинетики пить чай.

Цыган-солист по кабинетам. Лицо белое, виски выбритые, урод, играет на гитаре, рассказывает пикантности.

Игрохи (рассказы Сарматова)⁹¹

Не доходя 10 шагов до столба, лопнула подпружи, и лошадь, запутавшись в сбруе, пошла шагом и проиграла. А пока шла первая, то кричали: «Двести», «Триста», «Пятьсот»...

Интерес в том: поставили на лошадь X., она проиграла, следишь за ней по газетам. X. вот-вот должна выиграть, наконец, приходишь играть, и какой-нибудь «добрый гений» уговаривает поставить на другую, и вместо нее выигрывает, наконец, X. (Сарматов поднял руки до лица, схватил себя за щеки, растянув рот, вытаращил глаза, желтоватые и серые, и кожа на голове зашевелилась): «И вот начинаешь играть на эту другую и с ней то же самое, вот Рутковского на ипподроме удар хватил, N застрелился...».

Актер: «Я, знаете, ли, поседел от игры».

Сарматов ему: «Ну, врешь, сколько тебе лет — 65?»

— Клянусь, веришь ли мне, 45. (...)

Сарматов говорит мне: «И простите за совет: юродствовать нужно, хватить по башкам; костюм себе завести эдакий. Без рекламы нельзя-с. Я 15 лет на сцене, а меня 10 лет вонши ели». (...)

Полковник у Квисисана⁹²

За столиком перед пол^бутылкой мадеры, спит; лакей разбудил, пол^ковник поднес руки к голове, словно схватился за нее и, не сгибая ладоней, провел ими вниз по щекам, захватил снизу сивую бороду и раздвинул ее по обе стороны, закрутив на концах. Лакей просит заплатить, пол^ковник, еле разлепив оплывшие глаза на красном широком лице, покосился на лакея и решил не платить. Лакей не отстает. Пол^ковник подманивает его пальцем поближе для разговора, когда тот наклоняется, пол^ковник ничего не говорит, закуривает, одним прищуренным глазом глядит на музыкантов. То же и с метрдотелем. Наконец, п^олковник опять задремал, потом закинул голову, сморщился, покраснел и стал рыдать беззвучно, закрыв глаза, кашляя. Плюя, прикрыл ладонью рот. «Владимир» в петлице. Дамский кошелек.

Вдруг проснулся, стал хлопать в такт музыкантам, потом совсем заснул, уронив голову. А лакей все стоял, ожидая, когда заплатят.

Счет проверял раз 10.

Сон

О том, что мама не умерла, ее спасли, но она безумная, живет на даче у Куроедова. Все от меня это скрывают. Наконец, тетя Маша⁹³ показывает мне письмо, нап^{исанное} ее рукой, очень неразборчивое. Я еду к ней. Она та же, только похудела, только взгляд неверный. Припав к руке, плачу.

К роману⁹⁴

О поцелуях. Их символический смысл, разные поцелуи. Поцелуй зимней ночью на стрелке. Поцелуй в букете цветов.

Рассказ Топачевского⁹⁵

О студентах, проводивших лето на плотах (встал и через дверь бросился в воду). (...)

О докторе, который встретился в лесу и говорит: «Идемте дом строить» (из бумаги).

О полешуках — ходоках по болотам (стужи боятся). О работе на пивном складе.

Барон⁹⁶

Рассказ Топачевского

Высок, худ, строен, лицо римское, брат знаменитый генерал, мать в зап^{адном} крае, посыпает ему 200 в год. Барон только охотится. Передвигается только пешком; очень вежлив, скромен и, когда играет в карты с дамами, всегда проигрывает, хотя бы на руках были голые козыри.

Ружье шомпольное, выстрелив, заряжает его мгновенно. В 2-х карманах куртки дробь 4(-й) и 6(-й) номер. В 3-м сбоку скатанные пыжи. В сумке сверху 24 дырки и в них заранее заготовленные бумажки с порохом, сбоку на груди пистоны.

Барон съел 500 раков

Пари [игра] на 10 рублей. Время 3 ч. и 3/4. Играли в карты. Стол поставили в дверях, принесли раков в корыте, потом добавляли еще два раза. Барон съел все, обиделся, что мало было пива. До этого со вчерашнего дня ничего не ел, а за час до пари съел ломоть хлеба с горчицей, перцем и уксусом.

Как барона чуть не убили

На охоте на кабана зимой, 4 дня бесследно. В четвером. Один из спутников ненавидел немцев; с бароном какие-то счеты. Лежали на овчине, барон отошел. Тот взял ружье, спросил, чем заряжено — картечью и 4(-ым) номером. Тот привстал (барон в это время отошел шагов на сорок) и кричит барону: «Я в вас буду стрелять». «Ну, стреляйте». Барон повернулся лицом; тот выстрелил 2 раза. Барон упал в снег, все вскочили. Барон поднялся, снял ружье. Взвел курки и, подойдя, спросил того: «Вы нечаянно стреляли или нарочно?» «Нет, именно, хотел вас убить». «Ну, вы честный человек, на том и покончим». Барона раздели. На нем было несколько плотных жилетов и дробь сделала синяки, но та, что прошла сквозь патронташ, причинила рану.

Барон получил наследство

По смерти матери барон получил 15 тысяч наследства. Купил ружей и страшно закутил. Купил обезьянку, но она едва его не съела. Подарил ее знакомым, от которых все ушли.

Решил заняться коммерцией. Сделал объявление в газетах: «Продаю слив(очное) масло, купившему [6 ф.] дается в виде премии дикая утка».

Перед продажей барон поехал на одно озеро (в непроходимые места) и настрелял два воза уток. Потом, возвращаясь, скучил у крестьян масло и привез в Киев. Масло тотчас все раскупили, вместе с утками. Но барон все-таки потерпел убыток.

Когда барон прожил деньги (очень скоро), поступил в садовники, потом пропал.

(Когда Топачевский рассказывал, вошла его жена и, улыбаясь, вспомнила, как она и сестра шутили над бароном, а он во всем уступал).

Петербург. Вместо «в провинции» говорят иные «на местах».

Не забыть. Нева выпуклая, гладкая, подошла к самым колоннам белых зданий вдали. Мост как кружева (смотри с Тр(оицкого) м(оста)). Солнечный свет опоясал выпуклость воды.

Не забыть. Дама в синем в трамвае. Сидит очень прямо, вздернутый немногого нос, высокая шея, шляпа с цветами.

В Москве. В Религ^{иозно}-фил^{ософском} об^{ществе} оратор Свентицкий⁹⁷ говорил (с каменным лицом) об аскетизме, увлекательно и ужасно. Вдруг выпустил книгу, где объяснял, что чем больше он предается разврату, тем сильнее тянет его к аскетизму. Связь с гимназистками. Пропал.

О живописцах вывесок в старину.

Письмо В. Иванову⁹⁸ 4 мая

Волынь иль Русь червонна тоже Свила нам временный приют.	О, как печальны мы на вид, Как Петербург от нас далеко!
О, как стремительно идут Недели и как скучно, боже!	До Куликовичей пилот (От кулика [идет] села название, Вода здесь божье наказанье), Пример взяв птичий, не дойдет.
Больны ангиной мы. И ложку Хвостом вложив в открытый рот, Нам тетка горло мажет. Иод И глицерин смешав немножко.	До Куликовичей ни пули, Ни зов друзей, ни крик врагов Не долетят. Среди лугов И заводей здесь все заснули.
И мы, среди неспособных баб, Глядим в окно на луг покосный, Где ходит аист красноносый, Ловя лягушек на обед.	И я, как некогда Адам, Утехи райски вспоминая, Пишу Вам, горестно вздыхая, И близ меня грустит madame.

Рассказ Веры Э.⁹⁹

Обыск. Три входа, один в сад. Отпускают пить чай. Побег сестры (вдвоем вышли через сад, дошли до ворот, выглянула знакомая кухарка. Вера приказала): «Иди домой». Вернулась одна). Арест. 2 недели жили в участке, в комнате помощника пристава. Помощник пристава избивает городового. Помещают на площадку лестницы, стол и стул, тут же сидит городовой. Городской просит снять башмачки. Наконец тюрьма. Бритые головы. (1 нраб.) говорит: «Эх, стыд-то какой!» Перегон по Москве, страшная радость, как весна. Приезд в Тверь, весь день на ногах. Карцер (попросила). Истерика и свобода, но не радостная (усталость, поиски комнаты).

Вспоминает все это с приподнятым чувством радости, словно бы железную школу.

Не забыть. Ребиков¹⁰⁰ у рояля: «вколачивают в гроб», «гробом бьют по затылку». Играя, цыкает через зубы. Сочинения Аменестра X с примечаниями Пикилюсчи.

Об аистах и цапле

Цапля ловит рыбу: стоит на отмели, пальцы ног ее похожи на червяков, рыба идет на них, цапля бьет носом.

Мужик подложил аисту гусиное гнездо. Вывелся гусенок, лез из гнезда, оба аиста хлопотали около, пугались. Собираются много аистов, судят самку, каждый клюет, самка поднимается из круга высоко и падает.

Мужику надоел аист. Он бросил гнездо в огонь, аист прилетел. стал таскать головешки назад на крышу и сжег хату. <...>

Чумак едет в Крым, а можно и на <1 нрзб.>, на Ясняньски корчмы. Едет по 12 верст в день.<...>

В Киеве на толчке играют в гречушки. Обязательно полить маслом, посолить солью. Бурсак, наиграв, засовывает их за подкладку сюртука.

Не забыть. Пра¹⁰¹, Макс, я и Новицкий¹⁰² ходили к Харламову¹⁰³ «объясняться». Говорили: «хорош». Жена в розовом капоте. У него дрожал угол рта. У нее нос такой курносый, что рот не закрывается. После посещения Харламов^{ов} повысил цену на ванну для обидчиков на 10 к.

Рассказ Веры Э. О матери и казни. О том, как 3 боеvика застрелились, чтобы товарищ успел уйти.

Сионицкая¹⁰⁴ говорит Соне

— Скучно жить (говорит на балконе вечером).

— Почему?

— Люди, которые интересовали,— умерли, а новые не интересны. Все то же. Вообще скучно долго жить. Я сделала в жизни все, что могла сделать. Меня (не) интересует дальнейший мир.

— Жить любопытно (Соня).

— Вы молоды, у Вас художественная натур^а. Я строила дачу, а теперь совершенно безразлично.

— А путешествия? (Соня)

— Я любила путешествовать, это был праздник, так меня все интересовало.

Семена мудрости. Сочинение великоруса [Веревочкина — <1 нрзб.>] Фіялкина¹⁰⁵. <...>

Не забыть купанье лошадей.

Из <1 нрзб.> Фіялкина (футуризм)

Сгиба спицы,	Зачем в песке
Плынут дельфины.	С кремнем в руке
А на песке	Она сидит,
С кремнем в руке	Грозна на вид?
Сидит с утра	Из всех причин
Пра.	Одна — дельфин.

Нацелись — раз!
Дельфину в глаз
Кремень летит.
Дельфин убит.

Затем, что он
Сбег не доен.
Так мести Пра
Жди всяк с утра... ¹⁰⁶

Ходит в горы гол и дик,
Долговязый, черномазый, пучеглазый Людовик ¹⁰⁷.

Не забыть, как Пра дразнила собаку, как, дразня и задевая, начала ссориться, не от самолюбия, а из злости, как наступила минута, когда стало нестерпимо, и у всех загорелся злой огонек.

Не забыть. О девичьем пристальном взгляде, где нет еще страсти, ни кокетства, ничего, отражающего душу, а взгляд [как] темный и опустевший, тот, на кого она смотрит, прямо через взгляд проходит в сердце. Потом улыбка, широкая и простая, некрасивая (в ней нет искусства), раздвинулись щеки, раскрылся рот, показав зубы. В этом нет желания, ни кокетства, лишь отражение того <2 ираб.> взгляда из сердца.

Смеялась, лежа на лавке, не весело, а от того, что не могла удержаться.

Не забыть. Волошины, когда приехали в Коктебель, привезли с собой лошадей, корову, птиц, свиней, собак и кошек. Жили пока в деревне. Обедали на воздухе, и животные лезли к столу.

Собака жила с поросенком. Поросенок научился лаять и вместе с собакой кидался из будки на людей.

Барышня чижик

Большой рот, провалившееся мелкое лицо, торс худой, а бока и живот полные. При неожиданных словах вспыхивает, делая круглые глаза, влажные, удивленные, испуганные, тогда как рот смеется, а на лице морщины. В розовом капоте, с зонтом в одной руке, цветком и ковылем в другой, гуляет, распаренная от жары, по голым холмам. Говорят, есть жених... Обидясь на меня, сделала закаменелое лицо, глаза остановились на мне, ничего не сказала.

Когда приехала, тотчас <с>просила: можно ли повесить лампадку? На нас глядит, как на зверинец. Удивляется, когда мы вежливы. В дождик надела черную юбку и золотые часы. Жаловалась Мусе ¹⁰⁸, что никто не ухаживает, спрашивала о круглом. Просила, не могут ли поухаживать я и Макс. Обиделась на адмиральского сына за борщ. Много смеялась, когда я просил у нее голубую ленточку на шляпу.

Муся. Тоненькая, с немного еще большими руками и ногами девушка. Лицо овальное, загорелое, конопатое, как воробынине яичко. Волосы медно-русые, почти красные. Глаза голубые, углами

кверху, как у японки, рот прямой, чуть приподнят концами, всегда улыбается, показывая один нехороший зуб. Подавая руку, приседает.

[Но] Голос девичий, то с грудными звуками, то срывающийся на верхах. Она наливает чай (тогда ее все зовут Мусичка). Всегда весело-услужливая. Увлекается камушками. На террасе, лежа в плетен^{ой} куш^{етке}, читает Дюма по-фр^{анцузски}. На плечах вязаная белая с розовым пелеринка.

Это есть то
Брама есть Атман — *Fat tvam asi*
Незнание заграждаю. Видеть Браму — Авдия.

Результат — Майя¹⁰⁹.
Не забыть. Лекции о кузминизме¹¹⁰.

В редакции. Госпожа Архангельская¹¹¹ и товарищи: «Женщина в нашем обществе занимает роль ночного горшка под кроватью своего мужа». Все в таком роде. Студенты. Слушают, закрыв лица, чтобы понять, ни одного хлоинка.

Обыск. Арест. Старушка в нерях на лестнице. Участок, старушка там же. 70-летний доктор.

Дейша¹¹² ночью просыпается, вспоминает про шпингалет. Идет и вдруг громко запоет. Когда работает, поет все одну фразу. Очень довольный, что и работает и ловко так поет, как и должно поступать на даче. Не дай бог что-нибудь попросить, заговорит и замучает подробностями.

Вертывал мет^{аллические} вешалки, размечал карандашом, примерялся, наконец, ввернув, поирабовал и решил расположить их по гамме. Сама Дейша обрезала палец, начала звать: «Васечка, Васечка». Когда он пришел, сказала грубо: «Благодарю тебя, Васечка, я палец до кости разрезала». Сосала палец, прикладывая к нижней губе.

У Лампси¹¹³ на суде

Дело о битии окошек камнями и о ругании публичными словами. Одна мещаночка русая, с бледным, ничтожным, мягким, но упрямым лицом. Одета в кружевную шаль; другая высокая, с мужичьим коричневым лицом, широким носом и корявым ртом, глазами огромными, [выпу^{клыми}] которыми она «поводит», серого [изжелта-грязно^{го}] цвета с желтыми белками. Юбка надета ловко, она ей все время вертит, на голове голубая лента и поверх черн^{ая} круж^{евная} косынка. «Я девица, мие по судам ходить неприлично, а она привыкла».

Она: «[Начал] Ихний зять с моим двоюродным братом завелся драться, прибежали ребята с горы, начали камни кидать; тогда Кудленков вышел из комнаты и начал говорить: «Что вы делаете?» *«...»*

(Другая) «Ребята сидели на горе, пили водку. Иванов рыбу ловил, потом домой пошли, приходит Кудленков и [гов^{орит}] начал на сороковку просить, ему не дали, он начал камнями б^{росать}».

(Другая) «Вы сами начали кидать — лопатки кидать, молотки. Когда [же] вы так выражаетесь, я же не могу...».

Мужик подбрасывал кольца (40 к. дюж^{кина}). Бросит кольцо при пароде, найдет его и продаст за золотое. Городовой Даниил Аникин. Обвиняемый жалуется на Аникина, зачем он его обличил, когда сам кольца не видел, и оставил без куска хлеба. Одет в тепл^{ую} желт^{ую} куртку. Рыж, высок, плохо брит, быстрые серые глаза. После приговора у них потемнели зрачки.

Из Фіалкина [на профиль горы]

Горой лежит постылый,	[Создать] Так бог сие творение
На Макса схож,	[Мог бог] Создал с тоски.
И тупо смотрит рыло	В четвертом измерении
В морскую дрожь.	Все пустяки. (...)

Купальщицы

Купаются девушки, в белой рубахе (пополнее) и в красной (похудее), ложатся боком под волну. На берегу стоит девочка в мокрой рубашке, опираясь на колени ладонями. Девушка в белом вышла, опираясь левой рукой о девочку, подняла правую ногу и, щиколоткой коснувшись колена, стала вынимать занозу. Потом [взяла] захватила рубашку спереди и, закрутив, выжала ее.

Татарки. Множество одежд. Страшная скромность. Салятся, как грибы, лицом к морю. Одеваясь, откидывают с лица косы.

Против нашей дачи. Одна девушка стояла в профиль, опустив руки, другая застегивала ей назади платье.

Рассказ Валетки ¹¹⁴

об актере, напившемся до белой горячки. Как она увезла его в номер. (На извозчике, борясь, выдернула воротник). Как сдерживала его бред, действуя волей. Потом, после больницы, он не отходил от нее, хотя и боялся. До утра просиживал на крыльце ломника (голубого) зимой. Едва не замерз...

О том, как актеры вываливаются из вагонов, заспанные, зеленые, с остатками грима. Об попойках в пограничных городках с офицерами, живущими в лесах. Об пеграмотной актрисе. Об режиссере, выскочившем в белье. О солдатских спектаклях на столах.

Погиб Сапунов ¹¹⁵. Веня, Вера плакали. Макс сказал, что есть закон для художников, которые тонут. У Сони отнялись ноги. Петербург мне кажется теперь городом смерти.

Коктебельские фактики

Пюнь, 21. Ут^{ро}. Таинцевала Ип^яна ¹¹⁶ на земле около флигеля. Гроза. З сразу (подряд) молнии хватили в Карадаг. Веня-

ка поехал в Феодосию. Вера и я ходили в лавочку. Шлепнулся. С Людовиком пошел купаться, бросались камнями. Чай у Лентуловых. Лентулов ¹¹⁷ уверял, что не любит ни музыки, ни литературы, от разговора впал в уныние, пуще зубоскалил. Вчерашний хромой инженерпротрезвился, впал в уныние. Вчера зашел Петров ¹¹⁸, завтра уезжает. Луна взошла оять красная. (Лентулов сказал за столом тихо: «Вы, пожалуйста, меня опишите», это не была шутка).

Думал о Петербурге — темный город с высокими узкими домами, в нем живут заброшенные люди. Очарование одиночества в Петербурге вдвоем.

22. Провожали Петрова ¹¹⁹. Валетка 5 раз отказывалась. Скандал между Петровым и подрядчиком (туберкулез кишок, впалые глаза, круги под ними, худ, штаны сваливаются). Когда сели в экипаж, вдруг перед лошадьми заиграл шарманщик, который давно уже играл по дачам. Мих. Ник. ¹²⁰ показывал снимки. Нес ведро на поднятой руке, гордясь силой. Студент с градусником. Посещение Манасеевых ¹²¹. Она перепугана судом. Скука на террасе. Гроза. Головная боль. Прибит эскиз «страшного суда». К ужину прихожу на террасу, круглый и моряк разговаривают с Пра, у всех лица серьезные — оказывается, Абсетар ¹²² зарубил брата топором и убежал. Послали Василия ¹²³ к певицам. На чердаке Соня переодевалась в тунику, горела лампа. Людвиг облил чернилами ногу. Ночь страшная, Соня называет «Ночь Каппа». Дейша так испугалась, что голос у нее перехватило... Расспрашивала — не перехохнуть.

Валетка рассказала Соне жизнь. Из института вышла замуж. Была совсем наивна. Спустя пять лет ученик рисовальной школы поцеловал сей руку. Она, взволнованная, рассказала об этой измене мужу, на мужа такая чистота произвела большое впечатление, он рассказал, что изменял ей постоянно. Предложил условие — жить свободно, но только рассказывать. Вскоре одна барышня потребовала их развода. Они разошлись. Валетка уехала в Париж. Полюбила художника, жила как с мужем, кормила его, одевала; художник влюбился в танцовщицу. Валетка, ревнуя, нарочно устраивала так, чтобы они могли оставаться одни. Наконец, она ушла. Он написал ей, просил простить, вернуться. Он без нее не может работать. Она вернулась, но не прожила и полгода. Уехала в Петербург, поступила в бродячую труппу. Жизнь кончена. Она еще любит художника.

23. После обеда, когда у нас сидел кордебалет, вернулся Венька, соскучился за два дня по Коктебелю. У него ячмень. Соня танцевала внизу, у Дейши. Пра, Валетка и я ходили к столяру. Гранильщик камней. У столяра женщина в пиджаке. 2 девчонки. Макс и Людвиг вернулись поздно с этюдов. Холод страшный. Письмо от Сандро. За окном по ночам кричит жаба.

Сегодня вернулся Дейша и сейчас же стал кричать: «Где моя пила!». Словно перерыва в работе и не было. Вчера Людвиг и высокий мальчик плавали в Сердоликовую бухту. Обоих встретили

А. Н. Толстой.
Фотография. Коктебель, 1909. ГБЛ. Публикуется впервые

в цевичьем переулке. У них головы были обмотаны веревками. Сердолики принесли во рту.

Валетка сказала, что два месяца назад был случай почти ничтожный, но из-за него последняя вера в иллюзии у нее исчезла. У нее тоска, не находит места.

Недавно, когда мы все стояли у ворот, подошел юноша в студенческой фуршаке, в белой рубахе, засаленных штанах, лицо слабо загорелое, скуластое, русское; попросил: «Можем петь?» Макс повернулся боком, развел рукой и сказал: «Пожалуйста». Юноша отступил, откашлялся и запел: «Пожалей ты, меня дорроргая».

Жора¹²⁴ надел черные очки. Когда его спросили — зачем? — ответил: «Скучно. Надо же что-нибудь делать».

26. Валетка пошла на бал, муж сказал: «Если я тебе дороже других, приходи в час» и тоже ушел в другое место. Валетка вернулась в три. Дома никого, темно. Вошла в залу, открыла электричество: на диване лежит муж, лицо белое, глаза закатились — приподнялся и запустил в Валетку канделябром, потом другим, она упала без чувств.

Ездили в Феодосию. У Пети¹²⁵ встретил Ракитина¹²⁶. Обедали втроем в центральной гостинице. У Пети все тело покрыто волосами. Штаны такие старые, что стоят в углу самостоятельно и называются «реторты». Петя страшно скромен, зато Ракитин брехун и, говоря, повторяет чужие остроты, даже восклицает иногда голосом Станиславского. Паша Тень, лакей, которого Петя засудил однажды,

подойдя, сказал петиным голосом: «Боже сохрани». Синематограф. Сидели в ложе. Поехал к Богаевскому¹²⁷. Учитель крестьянин-самородок. Разговор с Алек. Мих.¹²⁸ Концерт.

Знакомство с актером и его женой. Актер, когда входили, кричал: «Дура, дура!». Обиделся на жену, почему она сразу согласилась играть роль, когда это предложил Ракитин. Длинный разговор в уборной. Рассказ Ракитина о Каире. Сон в мастерской Б^{огаевского}. Книги о древнем Египте.

Петя после разбора дел отдыхает, лежа на диване, положив на голову подушку, на животе кот. Беляев¹²⁹ в старом пальто подле... Поездка с Петей, Людви^{гом} и Бел^{гевым} в Коктебель ночью. Чтение Тютчева. Холодная ночь.

27. Ссора с Дейшей¹³⁰. Решен переезд к Максу в библиотеку.

28. О пьянистенном инженере и его двух друзьях, Косте и Жоржике. Жоржик сходил с лестницы, мы с Лентуловым поднимались... «Куда ходил?». «Ходил, к кому нужно было». Инженер устроил этой дружбой протест дачникам. В новом кафе говорил о бутылках бордо Богословскому¹³¹. Купаясь, спросил себе стакан кофе в воду.

Цыганка с мальчиком гадала Валетке и Соне. Саввии давал Соне прочесть рассказ, вырезку из газ^{еты}, подклеенную и порванную,— давал ее многим, Приходил из Феодосии Дуралте¹³², живущий по системе Мюллер¹³³.

«Взять город»

Валетка об театре. Набирают дешевую труппу. Едут в большое село. Театр при трактире. Огромные афиши. Все актеры обозначены как императорские и т. д. Через две недели в уездный город, где игр^{ают} 6 мес. Для евреев — еврейские пьесы, для русских — всякие, для офицеров — легкие комедии и фарсы. «Учащимся вход запрещен!»

Сидели с Валеткой на скамейке. [Она] Вал^{етка} говорила о судьбе женщины — плохо, если не хочешь примириться, а если примиришься — жить можно как-нибудь.

Чердачные девочки принесли цветов, убрали ими чердак, сидели и пели. Приходил к пим Заяц, много восхищался, говорил, что это девичий монастырь.

Вера ненавидит Чижика.

29. Соня, Валетка, Макс уехали в Феодосию к Пете. Прогулка в горы с Лентуловыми. Светлая кофейня. Чижик приносит вечером слух, пущенный поутру.

Рассказ Ин^н. Жили они с сестрой в старом доме, где много закоулков и коридоров. Ночью Ин^на слышала шаги. В одну ночь шаги приблизились к спальне. Она уткнулась в подушку. Вошли. Она взглянула и увидела старого согбенного человека, седые волосы его торчали дыбом, острые, как иглы, руки протянуты, и на них большие когти. Он наклонился и что-то повозился близ кровати. Ночью туфли были найдены завернутыми в коврик. Ин^на рассказывала, стоя на площадке близ комнаты Пра. Забилась в угол. У нее выступили слезы от страха. Пра сказала Вере: «А ты

не боишься пойти на чердак?» Вера ответила: «Если я там увижу одну вещь, я убью себя». Пра замолчала; поняв, долго глядела, потом сказала очень серьезно: «Тогда не ходи». (Вера боялась увидеть висящую мать) ¹³⁴.

Рассказ Веры о бледной девушке Серновской, помогавшей своей матери убить любовника.

6 июля. За эти дни концерт в Коктебеле, кутеж в кафе ¹³⁵. Поездка в Отузы к Максу ¹³⁶. Лентулов надругивался над Богословским. Богословский выворачивался — уверял, что загубил талант из-за семьи. Ссоры Макса с Венькой и Верой. Концерт в Феодосии ¹³⁷. Ракитин. [Вечер]. Ужин в гостинице. Утро. Богословский с букетом. Ракитин во фраке. Кофе в татарской кофейной.

Рассказ Ракитина об помещике, который в жару любит, чтобы его просили петь (чесучевый пиджак промок). Рассказ о дьячке, чае в саду с вишней. Рассказ о (1 ирзб.) генерале, который лупил жену, высокую и невинную, в гостинице за стеной.

Рассказ о Пете, который в жару, бросив разбирать на минуту дела и обалдев, читает стихи ¹³⁸.

Мадам и м-ег Ларри. Линкин, который приставал на фонтане, хотел, чтобы его познакомили ¹³⁹.

Лентулов грубый, самолюбивый, обидчивый и придирчивый; под утро пьяный и озлобленный тем, что грубил и язвил. Ругает и кричит на уродливую жену.

Богословский измучен, надоели ему остроты и шпильки, всех счел дураками и без души. Ходит по улице с букетом, ищет дочь.

Рассказ Ракитина об П. Н., как он посыпает Федосея за лампадным маслом и 2 порции мороженого. Сидит дома, пьет и читает стишки.

7. Рассказ Ракитина об гастролях в Тифлисе ¹⁴⁰. О вечере литургии красоты. Большая сцена. Актер с мозолями. Бецкий ¹⁴¹. Мейерхольд. О том, как Пронин увез Мейерхольда на пароходе и с пути послал телеграмму: «Норд-ост несет в Конституцию». (Для романа нужны — искание «холодного топа», поиски абсолютной красоты, создание настроений).

Поездка с Максом на велосипедах в Кадыков ¹⁴². Сочинили об сонете и поэме. Мальчик с бочонком.

Рассказ Ракитина об Мейерхольде, когда у того уехала жена ¹⁴³, он лежал на кровати [на матрасе], говорил: «Олю жалко».

9. Вчера провожали Макса до Отуз на велосипеде. На обратном пути обогнал велосипедистов. В деревне они меня нагнали. Я палетел на грека. Он упал павлинить, закричал, подняв руки. Отливали. Сидел, держа руку. Я ругал болгарина. 6 рублей.

Сегодня вчерашний молодой татарин с желтыми глазами принес табак. Попросил чаю и бублик. Приехали Валетка и Кандаурова. Кандауров ¹⁴⁴ чинил мотор. У Кандаурова впалые щеки и большие отлично вычищенные зубы; шапочка клетчатая. У нее большие темные глаза, молчит, глядя загадочно. Вначале незаметна, потом начинаешь понимать, что она кокетлива.

Заход луны за гору.

Марья Капитоновна¹⁴⁵ пела в кафе, обняв высоко закинутой рукой Добровольскую за шею. Добровольская была маленькая и загоревшая, как девчонка. Марья Капитоновна высокая, полная, с пылающими щеками, профилем немного преступным; от нее шел сильный запах душных духов.

«[Черты лица] Внешность соответствует духовному облику».

— У меня не соответствует,— сказала она, и, глядя в сумерках на ее лицо, я понял, что она хотела сказать.

10. За утренним чаем Вера заплакала, когда на нее напали за излишнюю скромность... Веняка, [закрыв] зажмуря распухший глаз, сказал: «Ваш писк несносен, это дурное воспитание, а не скромность».

Лунная ночь. Прогулка вчетвером по шоссе.

11. Утром на террасу явился стариочек, в пальто, белой, когда-то фрачной рубашке, манжеты завязаны тесемочкой, вместо запонки, лицо красное. Сапоги крепкие... Пил чай, хватаясь за щеку, говорил, что ревматизм, зубные пеньки болят и в голове все застыло, а между тем свободной рукой толкал в рот хлеб и сахар. Руку со стаканом поднимал картино. Говорил, что идет на серные воды, потом *1 нрзб.* будет лечиться. Доктора истортили его белыми, желтыми сладкими каплями. «...В роскошном доме попросил стакан чаю, пью, приходит слуга, гонит меня, прямо пожирает. Морской воздух горький и соленый пуще всего [вредит] теснит нутро...»

23 июля. Пикник на холмах¹⁴⁶. Веня и Вера глядят в огонь, задумавшись. Она прижалась к нему. Соня и Кузьмина-Караваева¹⁴⁷ вдруг прилегли у костра, обе в черном, освещена была только одна ладонь, по которой Соня читала. В свете прожектора отъезжали лодки. Из-за холмов сквозь туман поднималась запоздавшая луна.

В теннис играть — уворотной быть надо.

Сентябрь. «Бродячая собака»¹⁴⁸. Спор Евреинова¹⁴⁹, Чекан¹⁵⁰ и Мгеброва¹⁵¹ с Таировым¹⁵², Ауслендер держала руку Таирова (особенно выразительны Чекан и Мгебров).

Чекан закрывала глаза и, прижимая пальцы к груди, говорила, углы рта ее поднимались, волосы путались, потом, окончив, она терла глаза, точно они болели. У Мгеброва рот дерзкий и обиженный, глаза загораются и вдруг в них недоверие, робкая усмешка. Н. Н.¹⁵³ в бархатном длинном сюртуке. Таиров на высоком стуле, самодоволен и уверен, как загнавший в угол, к тому же от него они зависят.

Мгебров: «Продавать себя ничуть не стыдно».

Надпись на карточке: «Моей маленькой жене, милому дружку от послушного мужа».

Из Фіалкина

К каждому числу если прибавить часть или отнять, получится 13, поэтому — берегись чисел.

Напугать во сне — ребенок может смешаться.

Ноябрь. Не забыть о вечере у Высоцкого¹⁵⁴. Рябушинский¹⁵⁵ с бокалом в руке.

Рассказ Валетки о том, как она в поезде дала пощечину, он присмирел, влез наверх, лицом в руки, и только долго дрожали подошвы.

В поезде: пассажир с тонким голосом в каракулевой шапке. Велосипедист. Хвалил обыкновенный мешок. Был за границей, от всего этого одурел и все спрашивал: «А что, в России есть ли...», будто в самом деле иностранец, а от самого так и несет Загородным проспектом, и галстук на пряжке. Сетовал на неудобство для велосипедистов. Говорил о воспитательном значении плевательниц и подписей в заграничных поездах.

Лапик говорит по телефону, перевязанному ленточкой: «Ты делали бай, бай», «Ви делали мням, мням». По вечерам тоскует. Л. М.¹⁵⁶ говорит: «Милая, это все от того, что ты меня больше не любишь». «Ну, отчего же, нет». Он встал, сзади обнял рукой, щекой коснулся щеки. «Уверяю тебя. Если бы любила меня, одного вида моего было бы достаточно, чтоб веселиться».

Вечер у Николая Сергеевича¹⁵⁷.
Поэты.

За чаем у Мейерхольда, *«1 нраб.»*. Вышли с Высоцкой¹⁵⁸, дождь, она все так же улыбается, как за столом. Синематограф.

Размышления о Савве Морозове¹⁵⁹, о совести. Желание его отдать фабрику рабочим и слабость. Еще один шаг, и таковые люди на истинном пути.

Рассказ Кандаурова о столяре-мальчишке, который захотел учиться. Широкорылый, курносый, а глаза так и прыгают.

Рассказ тетки¹⁶⁰ о портрете бабушки, на котором заклеивали на ночь глаза бумажками. Как эту бабушку за тяжелый нрав муж ссылал на скотный двор.

О том, как вырыли осину и пересадили за версту при размежевке.

4 ноября. Клюев¹⁶¹.

В лавочке на Смоленском спросил синдикону.

— Это дрянь, прямо гадость,— заявил хозяин,— мы пробовали.
— Налетели,— [по] сказ~~ала~~ хозяйка.

— Да, сов^{ершенно} вер^{но}, палетели...

...
— А мы дрянио торгуем, сегодня на 1 р. наторговали.

— ?

— Думали из-за рекрутского набора. Никуда торговля не годится... и т. д.

Заседание Ф^{илософского} к^{ружка} у Морозовой¹⁶². Назади в восточной комнате хихикающие молодые люди расселись по дорогим креслам. Крестьянин, который вытирая глаза платком, — болели. Молчаливые попы — не угадаешь: нравится им или нет.

Председатель, который качал головой в сторону лектора и улыбался, издали походило, что он строил ему рожи.

Вечер у Высоцких. Милиоти¹⁶³ (жевал губами). Рябушинский. Змейка. Бледный хозяин. Стол, под конец покрытый сеткой серпантина.

25 ноября. Был у Нем^{ировича}-Данченко. Дожидался. Пришел сам, повторил слово в слово то, с теми же выражениями, что говорил осенью. Жена неуютная. Репетитор, в профиль похожий на скрипичный гриф, косой. Черви в салате. Вечером «Веселая смерть»¹⁶⁴. Вчера Костя¹⁶⁵ опять рассказывал о вентиляторе.

26. Разговор с Южным¹⁶⁶, он сказал, что не хотел бы вновь пережить жизнь.

Правдин¹⁶⁷, который, говоря об ар^{тистах} М^{алого} т^{еатра} — «каторжничаем», впал в роль, которую играл...

Старый актер с тиком, в морщинах, полон портсигар мундштуков.

Возвращались. Ехала бочка, возница в картузе спал, прильнув к бочке...

Рассказ Кости за обедом. О том, как он устраивал балдахин. В^{еликий} к^{нязь} пришел, и Костю сжали с двух сторон жандармский полковник и полицм^{ейстер}.

(Военная империя).

О том, как в.к. Н^{иколай} Н^{иколаевич} велел в Кишиневе адъютанту поймать петуха.

В режиссерской: Носов¹⁶⁸ и Кат^{ерина} Вас^{ильевна} читают газету. Актерка играет горничную, подбежала, принесла карамелей.

Платон¹⁶⁹ сказал: «Э, плевать на все, надо писать, работать, <1 прзб.> жить будущим, а настоящее — ерунда».

3 декабря, Были с Зайцевым¹⁷⁰ в цирке. В первом ряду дама в горностаевом шарфе и зеленой шляпе. Тонкая рука с бриллиантом. Внимательно следила за гимнастом.

О том, как рецензент, после того, как Ходжеинов¹⁷¹ вышел в прихожую, сказал мне: «На пару слов» (потемнел, я увидел, что воротник его истрепан и понял) «Что...» «Да вот мне надо бы на пару слов», и, двинувшись боком к шкафу, окончил — «Завтра зайду, а Вы насчет квартирки похлопочите».

Мусин-Пушкин¹⁷².

Всеволод — сел, сказал — «Давно хотел тебя видеть, ты, конечно, так стал знаменит, что...» и т. д.

Рассказ его о Борисе — женился, кутил и безобразничал в Сызрани — опаршивел, уехал в Америку. [Змей] (первая ночь в лесу). Каждый вечер пишет письма, собирается рассказать, какая разница в его понятии *«в отличие»* от Л. Н. Толстого.

Саша — прост, говорок, сюртук, сразу большая серьезность и вопрос. «Вот для первого знакомства и исповедь». Неуклюж и невесел... Все думает о литературе, должно быть.

Шаляпин — большие ноздри.

У Устиновых¹⁷³.

У Брюсова.

Рассказ невестки В*алерия* Я*ковлевича* о гостинице, где живет. Девица одна потеряла корсет, просила одолжить.

Другая — без всяких пошлостей — 25 р. С пошлостями так 100.

У Носовой¹⁷⁴. Сомов¹⁷⁵.

Мира¹⁷⁶ у Зайцевых на диване. Грязное белье. Она обещалась — если не пустят жить — удавиться у себя в комнате. Над. Гр¹⁷⁷ повезла ее к себе.

У Кругликовых¹⁷⁸ на поминах, чиновник, который лечился водкой и красным вином.

Вечер у Браиловских¹⁷⁹.

Читал Новиков¹⁸⁰ [черный, фамилию вспомнить]. Шкляр¹⁸¹. Он помогал себе пальцами. В паузах, перед тем, как менять тон, клал толстую ладонь на лоб. Употреблял множество местоимений.

Читал *«1 нрзб.»* на лестнице у вазы.

Римма делала никому не нужные замечания. У нее мужицкая ладонь и глаза без ресниц. У печки сидела сладкая дама в голубом.

В окошко из другой комнаты выгляднули две актрисы.

Были у Зони¹⁸² с чашей. Женщина, которая заставила поклонника купить куклу. Когда они уходили — она прошла крупными шагами вперед, держа куклу, и один раз только голова ее наклонилась и уши покраснели.

Американцы с куклой и кошмарной женщипой до потолка.

Посещение Макса и Эфро^{нов}¹⁸³. Голые комнаты, Марина Цветаева¹⁸⁴ и ее муж. Сестры Эфрон. Ломание кроватей. Макс в уединении гадает по руке.

Критика должна учить постигать красоту произведения.

На балу печатников домино — подняло маску, под ней измученное, искаженное, пылающее лицо. Одиночество и отчаяние от жизни. Узкие глаза под маской.

На Скатертном кликнул извозчика, с ним разговаривал босяк. Босяк побежал ко мне, сказал: «Неудачному человеку согреться». Я не дал, он сказал — «Счастливой дороги», потом извозчику: «Смотри, лошадь не урони». «Ничего, она кованая, [подъехали] приходи, Вася, в чайную, я там сейчас буду». Тронули. Поехали. Я дал изв^{озчику} 3 к., сказал: «Передай Васе». «Кому?.. ах, Васе, благодарю». «А кто он такой?» — «Он котельщиком был, очень за-житочный, жил хорошо. Ходил на Дальний Восток, а жена его с телеграфистом спуталась. Через жену спился. Из вашего сословия господа от отчаяния жизни себя лишают, а наш брат спивается».

Когда я спросил, извозчик, сразу перейдя в дружеский тон, сполз с козел и уселся на подножке по-простецки.

Были в «Летучей мыши»¹⁸⁵.

Тетка говорит, что [боится] не любит говорить по телефону, потому что из трубки дует.

Был у Федора¹⁸⁶. За чаем онссорился с Анфисой¹⁸⁷ из-за того, где встречали 3 года назад Новый год, резал сыр, складывал в 4 раза, совал в солоницу и ел.

Уверял, что он комик.

Что такое современный комик.

Рассказы Макса

Об коллекционере, который всю ночь пьет портвейн, в халате, радуется случайному посетителю, не отпускает его и не может решиться уехать по делу.

О барышне, страшно любопытной, о том, как Пра брала с нее клятву молчания и как барышня не могла достаточно убедительно поклясться.

О муже Аси Цветаевой¹⁸⁸, который 2 недели говорил голосом разврата младенца.

О том, как уезжала Адель Герцык¹⁸⁹ из Феодосии.

О том, как Марина вдруг вскочила и принялась клянчить в дверях.

Новые слова:
Приуправился.

Макропозопус.
Склепил миллионеров.
И пошел — куда зпал.

Рассказ Валетки

О встрече с американцем. Как поехали к нему, его лицо на извощике. Она заснула на диване утомленная. Еще раз раскрыла глаза. Он, опершись на кулак подбородком, не мигая, глядел на нее. Валетка была в черном полумужском платье.

Рассказ Володи¹⁹⁰

О том, как пьяный стоял у забора, держа ключ, когда его спросили, зачем он стоит, ответил, что улица едет, а он ждет, когда подъедет его дом.

О том, как на крейсере и бригантине перепутали пьяных попов.

Шли Новиков, Мартирос¹⁹¹ и я, на Кречетниковском пер^{еулке} сидела пьяная баба. Проходил пьяный человек, стал шуметь, стучать в ворота: мы, говорит, тебя «разнавозим». Кончилось городовым. Баба потом пошла и долго еще банилась.

На Новинском шли парень и молодая баба. Он держал ее обеими руками за вытянутую руку, за кисть и повыше локтя.

Вечер у Кругликовых

Рассказ Платона¹⁹² о том, как он приехал в подмосковное имение, в старинный дом; была натоплена (открыта) одна комната, в ней жил бывший актер, брат хозяина. По стенам бут^{афорское} оружие, костюмы. На оконке бутыли. Он полупьяный, с ним деревенская девка. Днем он катается на коньках по льду в зале.

Был выпущен из театр^{альной} школы, не попал в императорский ^{театр}. Уехал в провинцию, все промотал. Спился.

Когда рак на горе свистнет.

Посещение Масютина¹⁹³. Серая рубашка, беспорядок. Жена вышла, извинилась, что-то переставила и ушла.

Посещение Новикова. Обстановка. Костя рассказал, как политический и 2 каторжника бежали, 8 дней шли к китайской границе. Пол^{итический} не спал, шел позади.

Новиков сказал: «Надо бы ему поступить так, взять эти 1000 р. и разделить на три части...»

Рассказ Макса о Лазаревском¹⁹⁴. Как того приняли на любительском вечере за сумасшедшего. Он ухаживал накануне за маской, она, не снимая маски, назначила ему свид^{ание} на этом вечере. Герцык предварили, что будет сумасш^{едший}. Он наступал на всех дам.

Стул с музыкой.

У Лосевой¹⁹⁵. Вспомнить освещение, как сидели художники в глубоких креслах, как читал Таставен¹⁹⁶. Пришел Макс, сел к столу, глаз не было видно, блестело одно пенсне.

Прекрасный сюжет для главы в романе¹⁹⁷: Макс, явившийся после доклада и сейчас же начавший опровергать. Непременно лекция о кубизме.

Кубизм, как антитеза импрессионизму. Кубизмы, жепатые на русских.

Искусство — это преодоление реальности, но не утратившее с нею внутренней связи.

Детали к ве~~ч~~еру у Лос~~ево~~й

Крымов¹⁹⁸ — большое веснушчатое лицо с тяжелой нижней частью, голубые ясные глаза и мальчишеский рот.

Кожебаткин¹⁹⁹ — лицо простое, скрытое отчасти за пенсне, добродушная улыбка. К сюртуку коричневые панталоны.

Милиоти — приподнятые плечи, лицо такое аккуратное — боится его сморщить, хотя у рта уже нажиты морщины. Голос человека, привыкшего говорить с дамами.

Городецкий всегда имеет вид, что воротник надел по необходимости, а так его не носит.

У Всеволода²⁰⁰. Зубов и его сестра Леля. Рассказ о художнике, который устроил выставку у Всеволода. О Топорковой, которая женила на себе Сашу.

У Маринны Цветаевой. Блины. Толкающиеся гости. Узкая комната наверху. Вонючая лампочка. Стихи Макса о Лиле²⁰¹. Чтение стихов Маринны с Асей.

Я читал пьесу у Немировича²⁰². Вошел Василий Немирович с палкой, прямо держал ногу. Вид человека, на которого постоянно смотрят. Не обедал, по сосиску съел.

В «Эстетике»²⁰³ я председательствовал, речи о Б. Валеро²⁰⁴. Художник с бородкой и подергивающимся ртом. Другой юноша в бархатной блузке. Третий — улыбающийся уродец.

Как Сандро защищал диссертацию. Котляревский²⁰⁵ с лицом дьявола.

Был у Всеволода М~~усина~~-П~~ушкина~~. Он в желтом халате, играл на рояле. Читал письма Бориса, рассказывал о нем.

Я и Сандро шли пешком к Чулкову, сзади два парня говорили о том, что раньше было лучше. Как они размещали фонетические слова (для фопетики такое словцо ввернуть...).

Он трепался со своей бороденкой по всему свету. Пил чай и обезьяньими глазами глядел то на стенку, то елозил по вещам.

На «Эстетике» Генриэтта Гиршман²⁰⁶ сидела, обхватив колено. Рядом с ней Лосева, точно только что вылезла из перины.

В феврале иногда выпадает настоящий февральский день, влажный, хотя [морозный] холодный ветер погонит косой снег, и свет сквозь него густой, спеченный, но небо все же высокое.

Лунный свет в комнате

Не забыть — лунный свет в кабинете. Высокий круглый стул перед конторкой сильнее всего освещен, тронул его рукой — он холодный. На полу переплет окна. Бывают такие мечтатели, которые могут сесть в кресло и думать. Мне страшен лунный свет.

Не забыть — свадьба в Метрополе. Невеста, которая пела шансонетки, офицер играл на гармошке. Дама прочла плохие стихи.

У Чулковых видел Нимфу Городецкую²⁰⁷ в черном, белые туфли и белое перо на шляпе. Говоря, словно уклонялась медленным движением, смеялась и скоро ушла.

13 февраля видел Павлову. Она танцевала лебедя и мотылька. Это величайшая красота, вошедшая в мою жизнь.

У меня был Н. А. Толстой²⁰⁸.

Вечером в кружке представили Илье Толстому²⁰⁹, совсем отец; тот же тяжелый взгляд серых глаз, та же наклоненность слегка головы... Все черты... Но уже борода на две стороны и пьян совсем. [Пил и вил²¹⁰] Поймав на вилку огурчик, кричал хрипло: «Вот он... каналья».

Был у Всеволода.

Он рассказывал о лицеисте, укравшем кольцо у Фрумсона²¹⁰. Она познакомилась с ним в синематографе, привела к себе. — «Первый день было немного противно».

Украв, хотел бежать к Борису в Америку.

Лицеист, кот^{орый} «надел шелковые кальсоны и поступил с ней грубо».

Лицеист, кот^{орый} пришел попросить у Всеволода денег. Рассказывал, что с ним часто бывает — «вдруг нет денег». (...)

Ехал на извозчике (от Кара-Мурзы²¹¹ к себе) с Янтаревым²¹². Он вдруг заговорил о Мухминой. Сказал, что — «Рощина высока для меня». Любит сухоньких и маленьких.

Заколдованный дом

Есть такие улицы узкие и в конце убегающие в сторону, где дома высоки, серого цвета с фонарями и балконами, в них так и тянет уйти, кажется, что повернет эта улица направо и налево, и вдруг в конце увидишь дом с красными высокими крышами, с воротами, зеленым двором, и на траве у крыльца белую лошадь.

Хорошо, когда над домами еще крыши, стены и сбоку высоко деревья бульвара.

На Скатертном гуляла горничная в желтой шали. Около пеет две болонки с бантиками. Неподалеку босик, опустив пешню, говори дворнику: «Что же мне, за 8 гривен три дня колупать».

Еще подальше стоят два господина в каракулевых шапках, глядят на дом. А еще извозчики, и больше ничего во всем переулке нет.

Вечер у Гольдовской²¹³

Южин, Лопухин (полупаралитик). Сам Гольдовский с сигарой. Володя Л., Макс в смокинге и т. д., человек 50.

Рассказ адвоката о польском магнате, который заставил жену писать вымыщенный дневник и затем отравил. Письма к этому человеку любовницы. Нежные, пылкие, благоуханные. Одно письмо, полное ревности. «Изменить жене подло, но любовнице недопустимо». (Это очень важно, нужно подумать — изменить любовнице — третья измена).

Его письма к любовнице страстные, религиозные, тогда как на полях ее писем онставил циничные пометки.

(Жена не была девушкой в день свадьбы. Это его потрясло и раздражило. Он заставил ее сознаться, и тут-то и началось диктование дневника, творчество, интуитивное восстановление предполагаемых событий. Кажется, он заставлял жену сходить с дворней).

Прогулка пешком от Гольдовского на Арбат. Разговор со Стороженко. Сломанный звонок. Узкие тротуары. Макс, вдруг заболтавший несвязную чепуху.

У Кандауровых накануне отъезда Латри²¹⁴. Сидели, томились. Молчали. Валетка изнывала — не на кого было излить нежность, а ее с весной прибавилось.

Вообще описать Анну Владимировну²¹⁵. Припомнить вечеринку у них. Как она меняла банты. Как краснела под всеобщими взглядами. Как Костя, сидя на углу стола, скалился во весь рот, вертя цепочку, вдруг хохотал деревянистым смехом.

Тяжко, утомительно, беспокойно женщине в 40 лет.

Что думает Валетка, оставаясь одна? Какие мысли невеселые, одна другой невозможнее, проходят в ее наспех причесанной, самой надоеvшей голове?

Как засыпает она со вздохом и просыпается на новый трудный день. Как дошла она до мысли выйти замуж за американца? (Здесь увлекла ее авантюра, возможность перемены деятельности, чем не-вероятнее, тем лучше).

Были у нас старуха Плонская с дочерьми и Щербатов с женой²¹⁶. Дочки трещали без умолку. Старуха рассказывала про пожар, про вещи и каждый раз добавляла — «все сгорело», «а вот была лампа — сгорела» и т. д. Уцелел один филиграный образок.

Княгиня живет среди искусства, с эстетами, а самой скучно, все овры до черта надоели, хочется простого слова, вроде черной каши, а князь не дает, делает знак рукой.

Старуха рассказывала про жену певца, что живет рядом. Как просили посуду для свадьбы. Конфеты подавали в миске. Присылают записки, написанные разной рукой. Мать певца, лежа на окошке, играет с швейцарами в носки. «Ходи, баушка». «Какая я тебе баушка, я барышня». «Ну вот еще, ты не барыня».

Обедали у Саши Пушкина. Миша²¹⁷ и Саша были в рубашках. Ивановский в синей рубашке, скромный и в прыщах. Начинает смеяться над кем-нибудь после всех.

Миша в темной комнате рассказывал об разных словечках, оборотах, выражениях. Как любят волжане поговорить метко и заковыристо.

«Ну, Иван, братец ты мой, сегодня со мной пойдешь, голова».

Ивановского брат накормил «лошадиными яйцами». «Что, нравится?» «Нет, Вася [не вкусно... (позабыл)] чай, противно, я думаю».

Были на борьбе.

Ивановский пошел было на сцену, но не дошел...

«Устрахнулся».

Мишке приедет на будущий год, чтобы «наблошиться по умственной части». (...)

Как Борис²¹⁸ поужинал, попил чаю, но приехал гость. Борис велел подать водки и съел [и выпил] огромадный сыр из зайца, выпил и т. д.

Гуляли с Федором²¹⁹ по Тверской, прошли пешком до дома. Дул сильный ветер, и от ходьбы было жарко. На улице множество актеров.

Был на «Гамлете»²²⁰. У Крэга (или у Станиславского) первоначальная мечта была гигантская. Золотая зала, залитая солнцем, солнце на полу, и вдоль стены идет худой высокий Гамлет.

Рассказ Миши

Мужик в каше молочной сырости не знал, ест, ест, бросит ложку, «а ну ее...».

Плотники — угостили их обедом, яблоками и т. д. Один решил подшутить над товарищами — «Съешь горшок молочной каши, я тебе бутылку». Тот съел. Жалко стало. «Съешь еще каравайчик». Тот съел... Вот как на четверть и паел. Потом пошел в сад, и в этом после него наземе 8 цыпленков утонуло.

Не забыть об особом настроении на сцене посреди декораций, во время антракта на генеральной все возбуждены немногого, ходят парами то с тем, то с тем.

Говорят повышенно, берут за плечи, за талию; плотники стоят молча и неподвижно между декораций, бегает режиссер.

После окончания разъезжаются, сговариваются, иные исчезают, внезапно заняв «десятку». А перед театром уже толпа, текучая и живая, солнце на западе, блестят лужи, сильный влажный ветер.

А у Мюра²²¹ совсем другая толпа, крашеные дамы, гадкие мальчишки, навязчивые извошки.

Посещение с Пушкиным «Максима»²²²

Не забыть музыкантов в оркестре.

Мишкин шурин был вне себя. Мрачный журналист кидал серпантин, встав, серьезно, и манжета у него все время высакивала.

Тема. Совместить честность и человечность с желанием выбиться из ужасающей бедности. Из двух этих воль возникает анархия. Анархизм как подготовка к высшему всечеловеческому чувству приятия мира.

12 марта^а. Были на Тургеневском спектакле²²³. Заходил в уборную к Станиславскому. Он снимал белой пастой грим и вдруг из паршивого старика превратился в красивого с неимоверными бровями Константина Сергеевича.

Говорили о совместном творчестве с актерами²²⁴. (...) Он слушал внимательно, и глаза его наконец загорелись.

Станиславский записал № моего телефона палкой на заборе.

13 марта^а. Вечер у Комиссаржевских. Марина и сестра, два цыпленка. Столица²²⁵ в черном бархате, без шеи, на спине мушка и рядом прыщик. В волосах жемчуг. Лицо толстое и не без самодовольства. Макс, который обиделся, нос у него подпялся. Третьякова²²⁶ и хор.

Разговор в «Праге» о современном героизме.

У Филиппова разговаривал с Германом²²⁷. Тот рассказывал о Светлояре, о Керженце-реке, о том, как в Нижнем на Петров день грузчики ходят с бабами, потом боятся «до нельзя» — пока кто не свалится. (...)

О том, как Куприн играл в Одессе в наперекон.

Был Юргис Балтрушайтис²²⁸. Говорил мрачно, но чтобы не подумали, что он вообще мрачен, иногда подмигивал, улыбаясь глазами.

14 марта. Видел цветы в окне, залитые солнцем. Белые и лиловые, и красные, как огонь.

У Ивановых²²⁹. Рассказ Высоцкого о женщинах. О губах.

Закат на Девичьем поле. У Вересаева²³⁰. Вечером у Гречанинова²³¹. Опять читал он письма; в тех же местах останавливался, и М. Г. в тех же местах хохотала ядовитым смехом.

Вчера встретили тетку на вокзале.

Тетка любит при чужих запускать французскую фразу или прихвастнуть родовитостью чуть-чуть.

«Сей в грязь — будешь князь».

Апрель. Париж²³²

Не забыть:

1) Фантастические отражения в зеркалах спнематографа.

2) О грусти Досекина²³³ перед ушедшими годами. Об его вдруг пойманным печальным и внимательном взгляде, застенчивом и кротком.

3) о мчащихся в сумерки и дожде автомобилях в <1 нрэб.> и одиноком фиакре.

4) Досекин, когда мы звонились, вдруг вздохнул и сказал — «Отчего это мне не нравится Лис²³⁴».

5) Берлинер²³⁵, когда ему скажешь про что-нибудь, сейчас же начинает противоречить, причем голос его делается хриплый и глухой, как у собаки.

Вспомнить, как с Досекиным искали комнаты. Как с Кругл^{иковой}²³⁶ попали в дом свиданий у вокзала.

Как упал на площадь Обсерватории воздушный шар.

Вспомнить рыжую красавицу в Клозери де Лиля.

В Cafe Режанс разговор с Досекиным о том, как ему печально живется одиноким. <...>

Как он жил — 2 мес^{яца} на средства натурщицы, и уже потом они сошлись. У него была нат^{урщица} девушка 16 лет, с ужасом говорила о половой жизни. Потом через много лет хотела с ним свидеться. У нее ребенок. Любовник бросил...

Вспомнить въезд в Варшаву. Игру солдат у насыпи в орлянку. Бородатые евреи. Развращенные девчонки строят глазки.

Об отражении в зеркале дамы (в вагоне-рест^{оране} из Берлина). О том, как через эту даму прошла рука лакея.

Не забыть пейзажи Бельгии. Долины, подернутые мглой, то серебряной, то голубоватой. Долины со множеством труб и дымов. Копающегося в огороде старика с фарфоровой трубкой.

Коричневые взбороненные поля, и на приподнятом горизонте опять та же голубая мгла и ряд деревьев, словно приподнятых над землей. Небо опаловое.

Досекин. Любит умиляться по пустякам, — пасчет табачку, кисетика, книжечки, которую читает на ночь. Часто злится. Тогда, слегка

ка подняв брови, глядит в пространство и, выбрав минутку, говорит слашавым голосом обидное. Очень блюдет себя.

Не забывать рассказа Степуна²³⁷ об Нижнем Новгороде, как он поутру пришел к знакомым, они же не ложились, пили бенедиктин. Жела в желтом платье и с запахом бифштекса и вина повела его показывать карточки с себя в неприличных позах.

Не забыть, как ночью перед Парижем в вагоне-ресторане З француза (возврашались из Москвы) пили красное вино и страшно чмокали.

Не забыть, как у Лафа^йета²³⁸ примеряли корсеты. Продавщица с большими прекрасными глазами, насмешливая и равнодушная. Она не делала ни одного лишнего движения, не повышала голоса, не старалась быть более, чем нужно, любезной. Говоря, она смотрела в сторону. Приходили уроды. Одну даму вели под руку. Она качалась...

В воскресенье утром в Клозери сидели девушки и поэты. Солнечные зайчики лежали на их лицах и платьях, столиках и земле. Когда девушки встали — зайчики побежали, словно ветер налетел на верхушки дерев.

Посещение выставки на Елисейских полях. Картина Симона²³⁹ — впечатление. После выставки сидели в сквере. На тротуаре пускали заводные игрушки. Гадалка с завязанными глазами. Старичок кормил воробьев. У Режанс старый человек с огромными усами и бородой пил абсент, заснул, весь красный.

Были в Супэ Гуаяль. Не забыть подробности. Перепродажа товара. Деловое отношение.

В Люксембургском саду. При входе девочка кормит воробьев. Идет садовник, улыбается. Тишина, люди сидят молча. Теплый, чистый воздух. Повсюду воркуют голуби. В траве скворцы. Летает шмель. Маки, пронизанные солнцем. Молодая няня прикатила коляской и привела девочку. Как эта девочка делала все, что делают взрослые, но все коротенько, как и мысли ее. Нянька сердилась.

Не забыть: бал Бюлье²⁴⁰. Разорванная неподвижная толпа, заиграла музыка и понемногу в толпе начинается движение, в такт закручиваются пары.

Танцуют танец медведи, обхватив друг друга, раскачиваются, когда музыка окончится, раздается лай, визг, вой. Вышла королева роз, сзади ее, на верху лестницы, двое в котелках отхвачивали канкан...

Королева посыпает воздушные поцелуи ручкой в белой перчатке, хорошенькая, застенчивая и простая. Она взошла в ложу. Толпа собралась под ложей, заиграла музыка. Юноша забрался на плечи,

потом в ложу, поздоровался за руку. Влез в другой раз, на него не обратили внимания. В 3-й раз его выгнали.

Не забыть бокс и потом как сердился Досекин.

Не забыть норвежского художника²⁴¹ и его жену. Она всегда сидит в коричневом платье в Cafe, глядя стеклянными глазами в окно. Лицо ее помятое и серое, когда-то очень красивое, ничего не делает без мужа. Утром пришла с мужем, одетая в черное платье, вышитое серебром. Жизнь ее все-таки прошла, и ей иногда грустно до слез.

Не забыть жизнь Якулова²⁴² в Париже. <...>

Как с Е~~лизаветой~~ Сер~~геевной~~²⁴³, Крысон и Устин~~овым~~²⁴⁴ ехали на Монмартр в испанский кабак; как летели впереди пас и по бокам автомобили.

Как с Широковым²⁴⁵ были на ярмарке.

Балаган — только для взрослых, все в ожидании, впереди перед коричневой стеной наклоняются, глядя в дырки.

Цирк. Толпа. Завлекают ее: сначала играют охотники, повернувшись спиной. Затем сразу таракаает оркестр. Потом входят клоуны и дураки — поют «а, а, а...», оборотясь лицом к народу. Берут друг друга за плечи, затем идут маршем, пой «а, а, а». Танцуют 5 девиц.

Балаган, где показывают обезьяну-получеловека, на самом деле две старые девки изображают статуи. Мальчишка, кашляя и держась за щеку, объясняет очень витиевато. Потом показывают корень, какую-то дрянь.

Карусель в виде бисквита поднимает людей на высоту, где они касаются головой луны.

Берлин. В полдень на Фридрихштрассе высыпало невероятное количество людей, словно сразу опростались все дома.

По пути многие завертывали в двери столовых, остановится, заглянет и войдет.

Зоологический сад.

Утиные птенцы на деревах. Жираф жевал листок, баловался от скуки. Орлы расправляли крылья. Два мангуста визжали, глядя друг на друга. Пантера лежала, повернув голову назад и глядя на мальчика темными трагическими глазами.

Над садом проплыл воздушный корабль.

Оркестр. Любители музыки. Немка с вышиванием.

В Варшаве в купе сел маленький человек, подержанный, с черной бородкой и дурак, сейчас же спросил Соню — почем дашь за часы, а в Бер~~лине~~ стоят столько-то. Обиделся, что переложил веши. Развалился с газетой. Сказал: «Очень давно не видел русских газет», начал читать, бросил ее и ушел.

Ресторан «Победа».

«Я, знаете ли, в такую коробочку попал».
«Голова, как чужая».

Саша М^{усин}-П^{ушкин} сказал: «Солнышко ушло, можно и у окошка посидеть». Лицемсты у Всеволода. В. И., подъехавшая под окно. Асмолова и залитое платье²⁴⁶.

Вообще о маленькой женщине, которая вся сделана из одного чувства, а все остальное лишь на поверхности.

Лето²⁴⁷

Нина Никаноровна²⁴⁸

1-й разговор за обедом о привидениях. Она говорит: «Когда я вижу маму и папу, для меня праздник». Разговаривала с управляющим, все оглядывалась. «И на что Вы глядите?». «Вот на диване сидят те-то и те-то». Рассказывая, как за $\frac{1}{2}$ года до смерти видела отца, «как он лежал на столе, здесь», она опустила голову, потом дотронулась пальцем до глаз с освещенной стороны.

Ничего не ест, только пьет чай. Ходит в сапогах. Любит слушать соловьев.

Утро после грозы. Всевозможные запахи на нижнем балконе. Воробы, галки. Ветер и падение капель. Пчельник за оврагом. Пчелка идет медленно, смахивает паутину (надо раза 2 в день). Напали пчелы. Он спокойно принял их уговаривать, держа руку у лица («Все равно, как под козырек им отдаешь»).

Разговор об отрубах.

Вчера вечером за рекой у ракиты пели девчонки: «Беспокойная я, успокойте меня».

Гроза. Набат. Пожар па селе. Спокойствие мужиков. Починка моста и Нина Никаноровна. На пожарище. Девчонка, обвязанная шалью, с башмаком в руке, на ящике из-под машины. На обратном пути пьяная баба.

На семик девки пришли плясать. Сели на клумбу с вилами в руках, усталые и пыльные после барщины. Одна с подведенными усами, одетая парнем, плясала плохо и пеловко, под балалайку. Бабы и девки смотрели равнодушно. Пустился мальчик. Ему сказали: «Сними валенки-то» Валенки отцовские. ...

Не забыть прогулку по дороге кругом мыса. Ключ, высокая трава, стена деревьев и облака, широкие и белые, кажется, что это лес несется им навстречу верхушками в синем небе. Лошади на лиловом откосе, свиньи, которые, не отрываясь, жрут подорожник. Подорожник по солнцу зеленый, а против солнца такой пышный, густой желтовато-зеленый, как в сказке.

Все небо наверху и по краям земли в ручьях и облаках, повсюду тучи опускают бороды синие и косые, перекидываются друг с другом радугами, солнце то зажжет их спекшие верхушки, топустит из-под низу лучи на зеленя, косогоры и пестрые поля.

Не забыть

Как индюшата, подскакивая, клевали траву.

Как шмель крутился и гудел в цветке шиповника, стараясь опустить жало вглубь.

Как майские жуки на шиповнике притворялись мертвыми.

О крысе. Старая, седая и злая жила у Аниенковых, прыгала наверху и кусалась. Сидела на стуле. Когда ей на ночь ставили яд, бежала наверх и прыгала по головам.

Как тетя Маша после смерти матери осталась одна в коровинском флигеле. Затопила камин, когда дрова разгорелись, из них выпрыгнула крыса и скрылась.

Из поездки по Волге²⁴⁹

Всегда впереди, словно переграждая, от края и до края протянута невысокая гряда, то лиловатая, то голубая. По берегам пески, поля и церковь вдалеке.

Безногий полковник в бешмете. Весь день разговаривал, то за столом, то картино стоя на ветру. Разговор его с морск^{им} офиц^{ером} вроде:

Морск^{ой} офиц^{ер}: «Знаете ли, начали в нас палить».

Полк^{овник}: «Ад!» и т. д.

Потом он врал, как ехал раз зимой, из-под снега дом, оказывается, село под снегом.

Офицер, очень вежливый,— археолог.

Посещение в от^{ариуса} Смирнова, его дожидается народ, а он в темной комнате пьет чай с заезжим поэтом. Посещение его дома. Его слова о борьбе мужчин и женщин.

Володя М. Поехал к Арбузову²⁵⁰ в деревню. В кантоне лег на диван. Приходит сам старик. «Генерал пришел ко мне в виде старого старичка, похож на Виктора Гюго, я почувствовал себя, как дома, а в конце разговора он стал молодым».

Во время разговора у Вол^{оди} было видение — запуршили юбки, и она его обняла и исчезла. Генерал сказал, подняв палку, — «В 3 часа ты уедешь». «И в общем все же таки после такого приема я стал чувствовать себя в высшей степени неприятно».

На пароходе сидел рыжий попик, склонив голову к плечу, глядя на близкие берега, восторженно улыбался. Мы разговорились, он, стесняясь, все придерживал шляпу, хотя ветра не было. Говорил, что часто берет с мужиков клятву не пить. Мужика приводят семья, пьяного (трезвый не пойдет), просят, попик сначала отказывает, потом служит молебен, дает целовать крест и Евангелие. Как в его село приехали издалека мужики зловать (не уроди-

лось сено). Один мужик научил петь по нотам. Каждый день пели до поздней ночи. В деревне, где не было церкви, не могли найти невест, взяли оттуда, где тоже не было церкви. «Нас все презирают,— говорил он,— гонят».

Шаманская²⁵¹ и ее подруга. Покупали платки, чтобы бросить в воду. В Симб^{ирске} к ним сел офицер, встречая которого они с 7-ми утра разоделись, как на бал.

Встреча с Девятыми²⁵².

Посещение тети Лизы²⁵³.

Тетя Маша называет горы — безобразные.

Мужики дачников зовут — воздушники. <...>

О дыхании бога

Дыхание вселенной.

У Гречаниновых²⁵⁴

Весь разговор.

Дед Судейкипа²⁵⁵ напился бобровой струи и обесчестил всю деревню.

Катерина²⁵⁶ сказала про меня. «Повели его спать в поле, он барин настоящий, испугался и захворал...». <...>

А^{лександр} Т^{ихонович} накаленный вышел. М. Г.²⁵⁷ сидела на лавке с Варварой. Он пошугал цыплят, походил и все думал. Эти мысли выразились, наконец, в словах: «Все что-нибудь делают, все работают, ты одна сидишь праздной, посмотрела бы у меня белье там». Она не ответила.

Утром он сказал: «Я не хочу ее, не люблю ее».

О том, как за обедом А^{лександр} Т^{ихонович} просил примирения. Как Катерина напилась, упала у плиты. Как Цезарь украл мясо.

Катерина накануне сказала: «Хоть бы кто помер, кисельку хочется поесть».

Поездка к Полочаниновым²⁵⁸

Рассказ Полоч^{анинова} о Борисе П.: он не моется — поры открывать вредно, грязь в них пуще набивается. Летом валяется в песке. Поехал в гости, от жары снял сапоги. В окошко глядели дамы, не хотел вылезать из тарантаса. Когда же высунул ножищу — дамы разбежались. Ел раки, текло по грязным рукам, находил в этом вкус.

Рассказ об Ушакове и его деле. Три недели ездили с драгунами на маневрах. Ушаков хотел получить мундир за заслуги предка, мечтал в нем делать визиты. Обещали 5 тысяч. Пришла бумага — 150 р. единовременного пособия, на это (ед^{иновременного}) страшно обиделся.

У Полоч^{анинова}. Часовня во ржи. Запах. Под часовней пять гробов.

Ночь, проведенная на станции. Комары. Пришел мужик, будил буфетчика, стесняясь: «Сынок, а сынок, пулб^{утылки} водки,

сейчас опять ляжете». Выпил сразу, как воду. «Корочки нет ли у вас?»

Роса утром. Гудящий аппарат.

В Симбирске по тротуару шел актер в смокинге.

На званом обеде Пастухов (Берже)²⁵⁹ обозвал земских начальников хулиганами. Его тотчас вызвали двое на дуэль. Извинился в испуге. Один сказал: «Очень он ногой дрыгает, пусть не дрыгает, иначе не прощу»²⁶⁰.

В часовне, у ветеринара в комнате. Силуэты бунчуков. В Чердаклах²⁶¹ (1 нрэб.) плакал мальчик, мать с равнодушным лицом говорила: «Не плачь, дам коко».

Ехали, звездная ночь, я сказал ямщику насчет Марса, «а бог с ними».

Войкино²⁶². Гроза в березовой аллее. Различные виды молний. Рассказ Шапрона²⁶³. (...)

Аржавитинов.

Аплечеев.

Окоемов.

Растегин²⁶⁴.

Рассказ Клавдии²⁶⁵ об Андрее Виноградове, о Танечке, она примеряла платок, разорвала, бегала голая по саду, крича: «Вот тебе, старый дурак!»

Хоронила деньги в саду в кубышках: «Пойдем, дедушка, поищем клад».

Как Андрей приехал в Войкино, а Танечку оставил у дерева.

Рассказ о Марье Мячеславовне. Голубая карета, сама в красном платье, такие же зонтик и шляпа, так ездила в Симбирск.

Велела обить ложу в голубое, сама в черном²⁶⁶.

Поездка к Миловзоровым²⁶⁷. Потом плутали.

Поездка к Леве²⁶⁸, гроза, опрокинулись.

Бабкин. Поездка к нему. Подвал. Собака. Старая лошадь.

Разоренный дом.

Приехал учитель, на него написали донос, лишили места. Рассказывая, все смеялся, причем не отмахивался от мухи, а лишь не допускал ее до лица. «В церковь хожу неукоснительно, даже к утру, не помогает».

— А на колени?..

— Ну уж на колени я не встану, хоть в ссылку меня пошлите.

У Ушаковой на обратном пути. Встреча с Володей Шишковым²⁶⁹ на перевозе. Сплетник... Его жена.

Рассказ Комиссаржевского²⁷⁰ о почтмейстере, о том, как пришла депутация — не открыл ли он еще клуб.

Обучаю шансонеток в три дня — маэстро Блаво.

Рассказ Дуняши

Мать ее провожала, села на тумбу, заревела. «Мне стыдно — деревенские смотрят, а я ей говорю — Не реви, а то толкну, ты полетишь у меня».

В вагоне видела во сне — ела лук с квасом, брат *(1 прзб.)* и вдруг закричал — «Билеты!».

Не забыть. После «Горя от ума»²⁷¹ у Кандаурова. Начали над ним смеяться, что он уходит и т. д. Он вдруг начал говорить ужасные слова (все вспомнить), но спокойно (чуть побледнел), и под конец слегка ударил себя в душку.

(Он просил не отнимать у него мечту о том, что он уйдет на землю.) Аня плакала.

Выходя, мы прошли мимо витрины, где сидели 3 куклы.

Рассказ Дуняшки

Никифор рубил дрова зимой. Говорят девчонкам — «Топор-то какой сладкий!» Дуняшка с Марфушкой наперегонки — видят, топор белый. Лизнула, вся шкура на топоре осталась.

Мамашка Никифора ругала, ругала...

29-го сен(тября). Сегодня открыл «новую этику». Нравственные законы должны быть динамичны. Человека нужно зарядить такими идеями, которые в развитии (в человеке каждая идея находится в движении) не кончались, логически приводили бы во все более светлое, проясненное состояние души и приводили бы к сознанию бессмертия.

Если идеи, которые, изменяясь, приводят человека в состояние отчаяния, эксцессов и падения, — эти идеи и есть зло.

Город ночью при свете фонарей — сильнее всего видны на домах золотые буквы.

Не забыть разговор Якуловской кухарки²⁷² с попугаем.

Спор между Койранской и Дживелеговой о корсетах и современных походках.

За столом она мужу:

— Алеша, мне не нужно напудрить пос?

— Нет.

Она собеседнику про мужа:

— Он должен следить за моей красотой, которая увядает с каждым часом.

Рассказ Кандаурова о молодом человеке с бр*(иллиантовым)* кольцом и о свадьбе.

Приезд Леонида Кандаурова²⁷³.

Не забыть, как Вишневский²⁷⁴ и две девицы репетировали сцену пьянства. Как их оставили одних, потом бегали смотреть.

Были у Пашенной²⁷⁵. Она рассказывала, раз~~лила~~орвала оба локтя.

Был с Ал~~ексеем~~ Аиол~~лоновичем~~ у Бородавского²⁷⁶. Спор. Потом пришел старый земец, рассказывал с удивлением о том, как перед ним танцевал Поздняков (только повязку попросил надеть).

Вышла замуж за богатого — она хотела иметь себе оригинал.

Рассказ К~~узьминой~~-Караваевой²⁷⁷ в кафе про Блока.

Рассказ К~~узьминой~~-Кар~~аваевой~~ про семью мужа²⁷⁸.

О том, как Караваев сидел на полу, скрестив пальцы под подбородком, и глядел в огонь: «Я не даю советов».

О Шмит²⁷⁹, как он просил поехать в Кишинев. Взошли в вагон, он не купил билетов.

Катя говорит — «марками оклею гроб». Краснеют руки.

Рассказ [в трехгор] Якулова об парикмахере. Медали, борода, серебряные египтянини, держащие лампы-молнии. Пара на отлет.

Лихачи первые сплетники, все знают.

О полицмейстере, завтракал, отдавал счет, требуя сдачи. Кучеру его платили деньги брандмайоры, чтобы не поспевал на пожар.

Рассказ Добровейна²⁸⁰ о Сергеенке²⁸¹.

Параллель! Характерно!

Не забыть, как на узкой пролетке лихача пролетели три женщины в бархатных шубках с перьями на шляпах.

Не забыть — в купе даму со странным лицом, огромными трагическими глазами, бар~~хатная~~ юбка, и мужчина (борода молотком), присевший около нее на корточках.

Выскочили в Клину. Она в шубке: «Как холодно!», он в пиджаке. «А мне напротив, все от настроения». Утро. Он сидит в мужском купе, мешки под глазами.

Не забыть, как на углу Большого старушка крестилась и целовала образ, тыкала себя в лоб перстами, не могла их оторвать, долго прижималась губами к мерзлому стеклу иконы.

Петербург — куда все нации и племена посылают отбросы — сутенеров, убийц, воров, грабителей, конкистадоров. Пет~~ербург~~

беспроблемный — сырой, туманный днем, промозглый с золеватым светом ночью. Петербург и т. д.

И в Петербург посыпает Россия юношество в школу, в горнило, в науку —

Проехал по Троицкому мосту, на нем и вдоль набережной фонари, от каждого в звездное небо шел узкий белый столб. Проехав, оглянулся — над всем мостом колоннада и на набережной, словно небесный свод покоится на прозрачных этих колоннах. Луна.

Не забыть.

По Собачьей площадке шли 3 бабы, одна пела. Шли мужики, сказали:

— Вот бабы, вот хорошо.

— Спасибо, у нее зубов-то нет, а то *бы* она не так еще запела.

Баба прошла, обернулась, выбранилась.

О башмачнике²⁸²

— Бросили бы курить.

— Не могу.

— Отчего?

— Мы башмачники.

— Ну так что же, причем здесь «курить»?

— Вот вы не понимаете. Возьму я башмак, погляжу — фасон не нравится, я его — швырк, да и за папироску.

Разговор с Лилией Эфрон. Ей иногда кажется (при воспоминании), что все, кого она знала и любила, — тени, и никаким усилием не [восст*ановить*] вернуть их земной реальности, тогда уж и настоящее и будущее кажутся ей такими же призрачными. У нее возникает желание как можно сильнее ощутить каждое приходящее мгновение. Отсюда любопытство к жизни, полное ее ощущение, а также отсутствие плана, цели, устремления. — Созерцания...

Купчиха у парикмахера.

«И так я перед ним застыдилась, и так я перед ним сливялась».

Якулов рассказывал, как на суде баба говорила.

Раненые²⁸³.

У Крандиевских²⁸⁴. Хохол и поляк. Хохол здоровый, скуластый, говорит весело, но время от времени его начинает трясти дрожь, он прихлебывает, сдерживаясь. (...) Рассказ, как шли вперед от батареи к картошке. Первые выстрелы — обезпамятели, затем стало все равно. Ползли в картошке. Рвалась шрапнель, яркий красный огонь. Одна засыпала землей. Офицеры на коленях. Прилегли в картошку, будто в картошке от нее склонились.

В Новоекатеринен*ской* (1 фр. нрзб.). П*у*леметчики на крыше и в кустах. Ревущий скот. Пожары. Офицер выругался матерно, схват*ил* у солдата винтовку и пал под дубком.

Курносый вестовой. Еврей и белорус, играющие в шашки.

Рассказ Веры о раненом²⁸⁵.

«Страшно лежать-то?»

«А то скажут пьяница».

«Сестрица, [спать не] засну что-то, рука болит».

Как солдаты тащили граммофон, отступая, заводили его, офицер бравился.

Солдаты застрелили офицера, приказывавшего отступать.

В Морозовском лазарете. Лисенков²⁸⁶. (...) Как ранили, побежал, в овраге казаки. Пулемет, как орехи колет. Раненый односельчанин в пыли насили узнал: «Ты, Микита?» Тихонько так: «Я,— говорит,— ногу больно».

20 июня 1914 г. Вечером я и Костя²⁸⁷ в комнате — говорили. Стук. Аня почувствовала скверно. Наконец плачет. «Зачем все ушли, оставили меня». «Кто все, Аня?» «Алексей и другие, их много было». Перебежала, села на другой стул,— «их было много. С длинными руками». Костя повторял только — «Аня!». (...)

Вспомнить, как в Киеве²⁸⁸. Я шел ночью из редакции, стал у фонаря, прочел о поезде, набитом трупами немцев, какой обуял ужас.

Затем этот ужас приходил еще и еще.

Например, когда прочел про то, как английский летчик выстрелил в нем^{ца}, слышали с земли негромкий выстрел.

Разговор с Натальей Василь^{евной} в прихожей. О доброте. О насилии любви. Как она однажды играла. Зашла к мужу²⁸⁹, увидала его руки, худые, жалостные. Как была минута мучительной жалости.

Нат^{аша} и Над^{ежда} Василь^{евна}²⁹⁰ ходят за ранеными двумя мужиками, они сразу изменились, оздоровила жизнь девушек. Играют в дурачки. Загадывают загадки. Солдат предлагал поджечь порох на ладони. Водят брить — «шерсть снять».

Рассказ об офицере, кот^{орый} спал, спрятавшись за теплыми еще трупами.

Как два раненых — один русский, друг^{ой} австриец...
(не закончено)

¹ Речь идет о романе Толстого «Две жизни». В первой редакции роман содержал две части, печатавшиеся в разных книгах альманаха «Шиповник» (1911, кн. 13 и 14).

² Рассказ «Аггей Коровин» впервые напечатан в литературно-художественном ежемесячнике «Аполлон» (1910, № 8).

³ То есть вместе с издателем альманахов «Шиповник» Соломоном Юльевичем Копельманом. О поездке на Кавказ см. примеч. 30.

⁴ Возможно, Александр Николаевич Комаров, двоюродный брат Толстого. Лизунчик — скорее всего Елизавета Николаевна Толстая, сестра писателя. Как

вспоминает С. И. Дымшиц-Толстая, Елизавета Николаевна «любила литературу и сама писала стихи»; жила с мужем в Новом Петергофе, посещала Толстых (*Воспоминания*, с. 59—60).

⁵ Софья Исааковна Дымшиц-Толстая (1886—1963) — художница, жена Толстого (с 1907 г.).

⁶ Владимир Алексеевич Тихонов (1857—1914) — писатель. Толстой не раз посещал его в 1910—1911 гг., переписывался с ним и его женой (письма хранятся в ЦГАЛИ и ИМЛИ).

⁷ «Современник» — ежемесячный журнал «литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни» (СПб., 1911—1915). В составе редколлегии (№ 1, 1911); В. Ф. Бояновский (редактор), А. В. Амфитеатров, М. М. Коялович, П. И. Певиц, В. А. Тихонов; с № 2 (1911) имя В. А. Тихонова в составе редколлегии не значится.

⁸ Кунгербург — неустановленное лицо.

⁹ Александр Иванович Куприн (1870—1938) с 1911 г. постоянно жил с семьей в Гатчине.

¹⁰ Видимо, имеется в виду Василий Сабсович Раппопорт (псевд. Регинин) — литератор, журналист, редактор журн. «Аргус», в котором сотрудничал А. И. Куприн.

¹¹ Сейчас трудно установить фактическую основу рассказа Толстого «Про Абиссинию и золото».

¹² Екатерина Владимировна Тихонова — литератор, жена В. А. Тихонова (см. примеч. 6).

¹³ Елизавета Морицевна Куприна (урожд. Гейнрих; 1882—1942) — жена А. И. Куприна.

¹⁴ Отношения К. И. Чуковского с Толстым освещены в опубликованной в наст. книге переписке писателей.

¹⁵ Николай Федорович Анненский (1843—1912) — публицист, член редакционной коллегии журн. «Русское богатство», друг Короленко.

¹⁶ Книга сказок Толстого, вышедшая в издательстве «Общественная польза» (СПб., 1910).

¹⁷ Племянница Анненского — Богданович Татьяна Александровна (1879—1942).

¹⁸ Валентин Иннокентьевич Анненский-Кривич (1880—1936) — поэт, сын Иннокентия Федоровича Анненского.

¹⁹ Владимир Вильямович Бернштам (1870—1920) — адвокат, литератор.

²⁰ Возможно, речь идет об одном из известных офортных автопортретов, выполненных Т. Г. Шевченко в 1860 г., или об офурте В. В. Матэ (см.: Голлербах Э. Ф. Т. Г. Шевченко в изобразительном искусстве. — В кн.: Т. Г. Шевченко в портретах и иллюстрациях. Л.: Учпедгиз, 1940, с. 220, 221, 225).

²¹ *Inseparable* (фр.) — неразлучные; так называют маленьких зеленых пугайчиков, которые не могут жить друг без друга.

Описывая встречу с Короленко, Толстой мало что говорит о своем собственном участии в беседе. Между тем, как вспоминает К. Чуковский, Толстой привлек внимание присутствующих как талантливый рассказчик. «Короленко слушал его с большим интересом и от души смеялся его выдумкам. А когда гость, очень довольный собою, ушел, Короленко сказал кому-то из близких:

— Яблоко отличного сорта, крупное, но еще очень зеленое. Если дозреет, да не заведутся в нем черви, выйдет чудесный апорт» (*Воспоминания*, с. 27).

²² Александр Семенович Ященко (1877—1934) — философ, юрист, литературный деятель, близкий знакомый Толстого на протяжении многих лет. Толстой посвятил ему повесть «Неверный шаг». См. также Дневник 1917—1936 гг.; Дневник 1918—1923 гг. и примеч. 51 к нему.

²³ Выставка картин Алексея Гавриловича Венецианова (1780—1847) в Музее Александра III (ныне — Русский музей) в Петербурге явилась заметным событием культурной жизни. Как отмечали современники, на выставке удалось впервые представить столь полное собрание работ художника (см.: Старые годы, 1911, апрель, с. 58—60).

²⁴ Евгений Васильевич Аничков (1866—1937) — историк литературы и критик, участник литературных встреч, лекций, диспутов, проходивших у Вяч. Иванова, на которых бывал и Толстой.

²⁵ пара Мауеау — возможно, имеется в виду пара Масо; так звали в дружеских кругах Сергея Константиновича Маковского (1877—1962), редактора журн. «Аполлон» (см.: *Пяст*, с. 144).

²⁶ Борис Михайлович Кустодиев (1878—1927). Толстой был знаком с ним. Подробностей ситуации, вызвавшей временное охлаждение их отношений «из-за Сологуба», пока выяснить не удалось. В 1923 г., после возвращения Толстого из-за границы, между ними снова установились дружеские отношения (см.: *Эткнд М. Г. Кустодиев. М.: Сов. художник, 1982, с. 434*).

²⁷ Федор Николаевич Сологуб (Тетерников) (1863—1927).

²⁸ Иван Странник — псевдоним Анны Митрофановны Аничковой (1868—1933), литератора и критика, жены Е. В. Аничкова (см. примеч. 24).

²⁹ Н. А. Ауслендер — вероятно, родственница писателя Сергея Абрамовича Ауслендер.

³⁰ Поездка на Кавказ была вызвана стремлением Толстого обогатить свои знания действительности и родного народа (см. *Крестинский*, с. 77).

³¹ Борис Беклемищев — зять издателя «Шиповника» С. Ю. Копельмана, вместе с которым Толстой предпринял поездку на Кавказ. Имение Беклемищева, страстного охотника, знатока повадок зверей и птиц, в котором жил Толстой, располагалось в Абхазии, недалеко от города Сухуми (см.: *Кошут*, с. 9). Беклемищев и его тетка явились прототипами господ Баклужиных из повести Толстого «Неверный шаг», законченной в Париже 28 июля 1911 г.

³² Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — юрист, литератор, общественный деятель, автор мемуаров «На жизненном пути».

³³ См. примеч. 64.

³⁴ Имеется в виду Л. Н. Толстой.

³⁵ Ряд записей, озаглавленных «О животных», «О зверях», сделанных, возможно, со слов Б. Беклемищева, использованы Толстым в повести «Неверный шаг».

³⁶ Запись использована при создании одного из символов в повести «Неверный шаг».

³⁷ Запись об абхазцах частично использована Толстым в рассказе «Эшер».

³⁸ Речь идет, по-видимому, о Петре Николаевиче Лампсии, знакомом Толстого и Волошина. В воспоминаниях современников, в записях Толстого кот — непременный атрибут быта Лампсии. Лампсии жил в Феодосии, куда Толстой, по нашему предположению, прибыл с Кавказа (см. запись «Отъезд в Феодосию»).

³⁹ Василий Михайлович Рожанский, отец Юлии Рожанской, первой жены Толстого.

⁴⁰ По сохранившемуся конверту письма Толстого к М. Л. Тургеневой (почтовый штемпель 1.VII 1911) можно установить, что в Париже Толстой остановился вначале в отеле «Павильон» на улице Верневиль (ЦГАЛИ, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 52, л. 22). Затем он жил на улице Буассонад, 17 (там же, л. 23) у Е. С. Кругликовой, где поселилась приехавшая раньше С. И. Дымшиц-Толстая (см. *Воспоминания*, с. 69).

⁴¹ Запись с некоторыми изменениями вошла в рассказ Толстого «Синее покрывало» (1911).

⁴² Реми — художник-карикaturist Николай Владимирович Ремизов (р. 1887), сотрудничал в «Сатириконе». Как вспоминает С. И. Дымшиц-Толстая, художники Николай Ремизов и Николай Радлов жили через улицу от мастерской Е. С. Кругликовой (см.: *Воспоминания*, с. 69).

⁴³ Клозери де Лилия — парижское кафе, которое посещали люди искусства.

⁴⁴ Поль Фор (1872—1960) — французский поэт и драматург, владелец Клозери де Лилия (см.: *Пяст*, с. 269).

⁴⁵ Т. е. на колокольне церкви св. Фомы Аквинского в Париже.

⁴⁶ Дочь А. Толстого Марианна.

⁴⁷ Николай Максимович Минский (Виленкин; 1855—1937) — поэт и драматург, один из зачинателей русского символизма. О парижских встречах Толстых с Минским упоминает С. И. Дымшиц-Толстая (см.: *Воспоминания*, с. 69).

⁴⁸ Согласно семейному преданию, на новорожденную Марианну был составлен гороскоп. Составителю гороскопа и посвящено, по-видимому, это стихотворение (устное свидетельство М. А. Толстой).

⁴⁹ Георгий Иванович Чулков (1879—1939) — писатель. О своем знакомстве с Толстым и отношении к нему Чулков рассказал в книге «Годы странствий» (М.: Федерация, 1930): «Я, помнится, прочитал его первый рассказ, напечатанный в «Журнале для всех», сразу почувствовал в нем его большой талант, и мне было приятно, когда он пришел ко мне со своими произведениями. Это были стихотворные опыты. Толстой пришел ко мне с необыкновенно скромным и смиренным видом, но я тогда же понял, что этот даровитый человек большой хитрец и что он прекрасно знает себе цену. Я как сейчас вижу его плотную фигуру и выразительное лицо с довольно длиною рыжеватою бородою (он тогда еще носил бороду). Один глаз его хитро щурился. Он внушил мне симпатию к себе, несмотря на добродушное лукавство» (с. 174—175).

Стихотворное письмо к Чулкову написано Толстым в Петербурге после возвращения из Франции.

⁵⁰ Чулков жил в Москве.

⁵¹ У Вячеслава — у поэта Вячеслава Ивановича Иванова (1866—1949), одного из теоретиков русского символизма, обладавшего обширными знаниями по истории мировой культуры. На «среды» Вяч. Иванова приходили литераторы и художники, на них обсуждались доклады, читались стихи, в «башенном театре» разыгрывали пьесы. Как вспоминает С. Городецкий, «много в этих средах было будоражащего мысль, захватывающего и волнующего...». После диспута, к утру, начиналось чтение стихов. Это проходило превосходно. Возбужденность мозга, хотя и своеобразный, но все же исключительно высокий интеллект аудитории создавали нужное настроение. Много прекрасных вещей, вошедших в литературу, прозвучали там впервые» (Цит. по книге Ашукки Н. С. А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах. М., 1924, с. 28).

⁵² Имеется в виду комическая опера М. А. Кузмина «Возвращение Одиссея», поставленная в Малом театре (СПб.). Спектакль получил сурвые отзывы в прессе. Вот что писал, например, рецензент «Театра и искусства»: «Это просто звуковое переливание из пустого в порожнее. И если в каждой из современных неудачных опереток находится хотя бы один вальсовый или маршевый мотив, который запоминается, то в кузминской новинке и этого нет» (1911, № 37, с. 680).

⁵³ Александр Александрович Блок с 5(18) июля по 7(20) сентября 1911 г. находился в заграничной поездке. О возвращении Блока Толстой, видимо, еще не знал. Поэт Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967) также отсутствовал в Петербурге.

Толстой поддерживал с Городецким личные и творческие связи. Их сближал, в частности, общий интерес к народно-поэтическому творчеству. «Всего охотнее, — вспоминает С. И. Дымшиц-Толстая, — бывали мы у поэта Сергея Городецкого. И сам Сергей Митрофанович, и жена его «нимфа» (как звали ее в литературных кругах) были милые, юные и жизнерадостные люди. Алексея Николаевича интересовала и поэзия Городецкого, и его работа над темами русской истории. У Городецкого мы неоднократно встречали Блока» («Воспоминания», с. 80).

⁵⁴ Сандро — А. С. Ященко (см. примеч. 22).

⁵⁵ Стихотворение, по-видимому, посвящено отъезду Толстого с Кавказа в Феодосию в конце апреля 1911 г.

⁵⁶ «Мелкий бес» — роман Ф. Сологуба. В более широком смысле Толстой говорит об «истомленности» теми негативными обстоятельствами русской жизни, которые порождали людей, подобных герою романа Передонову.

⁵⁷ Киммерия — древнее наименование восточного Крыма.

⁵⁸ Обезьяний хвост — символ вольности. Этот образ, возможно, возник благодаря общению Толстого с писателем А. М. Ремизовым, который шутливо посвящал своих друзей в члены «Обезьянней Великой Вольной Палаты». Толстой значился среди членов «Палаты» как «забеглый князь обезьянний» (см.: Лит. наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 2, с. 126).

⁵⁹ Здесь и далее в дневниках и записных книжках курсивом выделены тексты, отмеченные Толстым: подчеркнутые, отчеркнутые на полях, помеченные специальными знаками и др.

Действующими лицами этой записи являются, очевидно, родственники Толстого Комаровы. Тетя Толстого, Варвара Леонтьевна Тургенева, вышла замуж за дипломата Николая Александровича Комарова (в записи — *Н. А.*). Однако совместная их жизнь сложилась неудачно, Николай Александрович увлекался другими женщинами (в данном случае — Мерседес). Это создавало тяжелую обстановку в семье (см.: *Крестинский*, с. 29). Саша — Александр Николаевич Комаров, сын В. Л. и Н. А. Комаровых. Катя — Екатерина Николаевна Комарова, их дочь.

Толстой отчеркнул эту запись слева на полях и по отчеркнутому написал: «Тема».

⁶⁰ См. примеч. 69.

⁶¹ Эта и последующие записи о золотопромышленниках связаны с работой Толстого над «уральской темой». Летом 1905 г. Толстой побывал на Урале. Позднее как художник он не раз возвращался к уральским впечатлениям (рассказы «Старая башня», «Самородок»).

Запись «Котовники» является одним из набросков к рассказу «Харитоновское золото» (закопчен в Петербурге в декабре 1911 г.). В рассказе использованы также отдельные детали записей о подземном ходе и подземелье, о том, как уральский промышленник чеканит свою монету.

⁶² Харитонов — владелец уральских заводов и большого дворца в Екатеринбурге. За жестокое обращение с людьми Харитонов и управляющий заводами Зотов были сосланы в Финляндию. О Харитонове и его дворце сложено много легенд (см.: Свердловск: Путеводитель-справочник. Свердловск, 1973, с. 34).

⁶³ Демидовы — уральские горнозаводчики. В середине XVIII в. им принадлежали 33 завода.

⁶⁴ Легенда о Китайском (японском) клине была распространена среди крестьянства. Вот что рассказывает об этом тетка Толстого М. Л. Тургенева в своих воспоминаниях (ч. 1): «Когда наследник (престола) был послан в Японию, крестьяне заволновались такому необычному делу и решили, что послан, чтобы отрезать японский клин для крестьян. Явились односельчане, которые собирали на японский клин 30 к. с души» (ЦГАЛИ, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 10, л. 18). Возможно, что первоисточником записи и послужил рассказ М. Л. Тургеневой.

Китайская война, возможно, народное наименование русско-японской войны.

⁶⁵ Маргарита Васильевна Сабашникова (в замужестве Волошина; 1882—1974) — художница.

⁶⁶ М. А. Волошин.

⁶⁷ Вениамин Павлович Белкин (1884—1951) — живописец, член объединения «Мир искусства», театральный художник. В журн. «Аполлон» иллюстрировал произведения Толстого. Толстой поддерживал с ним дружеские отношения.

⁶⁸ Вера Александровна Попова — пианистка и педагог, жена художника В. П. Белкина.

⁶⁹ Ник. Ник.— скорее всего Николай Николаевич Сапунов (1880—1912), живописец и театральный художник. Толстой не раз упоминает о нем в дневниках. Набросанный в данной записи портрет некоторыми существенными чертами (одиночество, привычка бродить по городу, посещать кабаки и притоны) совпадает с портретом Сапунова, нарисованным современниками (см.: *Сапунов*, с. 27, 29, 49—50). Некоторые же черты портрета (ощущение музыки, скромность) расходятся с общепринятой характеристикой Сапунова.

Терехов, Саша — неустановленные лица.

⁷⁰ Ольга Анненковна Бостром — сестра отчима Толстого.

⁷¹ Т. е. в доме В. П. Белкина (см. запись: «Дом представляется ему кораблем...»).

⁷² Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878—1939).

⁷³ Ван Гог некоторое время находился в дружеских отношениях с Гогеном. Таким образом Толстой, очевидно, подчеркивает близость двух русских живописцев: В. П. Белкина и К. С. Петрова-Водкина.

⁷⁴ «Бродячая собака» — петербургское театрально-художественное кафе, находилось в подвальном помещении (Михайловская пл., 5). В корреспонденции (за подписью «Д») о «Бродячей собаке» (Черное и белое, 1912, № 2, с. 13) Толстой назван как «один из главных учредителей» этого театрально-художественного кафе.

В кафе существовала «собачья книга», заключенная в переплет из свиной кожи. В ней были записаны экспромты посетителей кафе (см.: *Пласт*, с. 255). В этой книге, по-видимому, записал комментируемое стихотворение и Толстой.

⁷⁵ Под заглавием «Эпиграмма на В. Иванова» запись опубликована в журн. «Черное и белое» (1912, № 2, с. 14). В журнальной публикации эпиграмма имеет краткое предуведомление: «У поэта Вячеслава Иванова от неосторожного обращения с огнем вспыхнула и сгорела борода (из слухов)».

⁷⁶ Имеется в виду случай из жизни скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини (1500—1571): отец показал ему резвящуюся в огне и несгоравшую саламандру (см.: *Жизнь Бенвенуто Челлини*. М.; Л.: Academia, 1931, с. 61).

⁷⁷ Согласно библейской легенде, сила Самсона была заключена в его волосах. Коварно лишенный их, Самсон был пленен врагами.

⁷⁸ Возможно, Лев Николаевич Комаров — родственник Толстого.

⁷⁹ Запись, возможно, является наброском к рассказу «Сатир» (опубликован в мае 1912 г.)

⁸⁰ Напротив отчеркнутого абзаца Толстой написал: «Идеи».

⁸¹ Фабрика Шмидта была одним из оплотов восставших рабочих. Г. А. Мин — генерал-майор флигель-адъютант, командир полка; возглавлял карательные экспедиции по подавлению Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г.; убит в 1906 г.

⁸² Петр Викторович Сизов — театральный художник.

⁸³ Театральный зал Н. Н. Шебеко (СПб., Галерная, 33) был известен среди литераторов и артистов. О своем намерении посетить зал Шебеко вместе с Андреевой-Дельмас записал Блок (см.: *Блок А. Записные книжки 1901—1920*. М.: Худож. лит., 1965, с. 220).

⁸⁴ Список мог интересовать Толстого как «собрание» фамилий, откуда, при случае, можно было выбрать подходящие для героев будущих произведений.

⁸⁵ Комический актер Аркадий Счастливцев — герой драмы А. Н. Островского «Лес».

⁸⁶ Широков — художник, знакомый Толстого по Парижу (см.: *Воспоминания*, с. 54).

⁸⁷ Запись, по-видимому, относится к пьесе Толстого «День Ряполовского», над которой писатель работал летом 1912 г.

⁸⁸ Неясно, о каком произведении идет речь. Возможно, это просто «заготовки» на будущее.

⁸⁹ Феномен человека-игрока явился объектом пристального внимания и интереса русской классической литературы. Толстой по-своему развил эту традицию в рассказах «Казацкий штос» (1911), «Месть» (1911) и др.

⁹⁰ Художник Н. Н. Сапунов, по воспоминаниям современников, был страстным игроком: «Я не знаю, — писал М. Кузмин, — играл ли Николай Николаевич в клубах, но я был свидетелем, что целую ночь напролет он мог проводить за азартной игрой с двумя-тремя приятелями, детски волнуясь и ажитируясь» (Цит. по кн.: *Сапунов*, с. 51).

⁹¹ Сарматов — провинциальный актер (см. о нем в кн.: *Собольщикова-Самарин Н. И. Записки. Горький*, 1960, с. 83, 167).

⁹² Ресторан Квисисана. СПб., Невский, 43.

⁹³ Куроедов — неустановленное лицо.

Мария Леонтьевна Тургенева (1857—1938) — тетка Толстого. Некоторое время жила в его семье, воспитывала дочь Толстого Марианну. М. Л. Тургенева сама была детской писательницей. Ее устные рассказы и воспоминания из жизни симбирских помещиков послужили источником ряда творческих замыслов художника. Толстой много и часто писал Марии Леонтьевне.

⁹⁴ Возможно, имеется в виду произведение, над которым Толстой работал в последующие годы, роман «Егор Абзов».

⁹⁵ Возможно, Виктор Топачевский, который вел дела М. Л. Тургеневой в ее имении Куликовичи на Волыни (см. письма Топачевского к Тургеневой.—

ЦГАЛИ, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 54, л. 1—20; одно из писем Толачевского отправлено из Киева).

⁹⁶ Запись в переработанном виде использована Толстым в рассказе «Барон» (напечатан 11 сент. 1912 г. в газ. «Речь»).

⁹⁷ Валентин Петрович Свентицкий (Свенцицкий), 1879—1938 — религиозный философ, писатель, литературовед.

⁹⁸ Стихотворное письмо Вяч. Иванову написано Толстым из Куликовичей. «Ездили мы с Алексеем Николаевичем, — вспоминает С. И. Дымшиц-Толстая, — в имение тети Маши Куликовичи, на Волыни. Усадьба стояла на берегу реки, и Алексей Николаевич с увлечением удил рыбу. Мы же с тетей Машей с утра работали на огороде» (*Воспоминания*, с. 60).

⁹⁹ Рассказ Веры Яковлевны Эфрон связан с революционным прошлым их семьи: мать Веры, оказавшая влияние на детей, была членом «Народной воли» и «Черного передела» (см.: А. Цветаева, с. 385). Эта и последующие записи сделаны в Крыму, куда Толстой приехал вместе с женой. 18 мая 1912 г. Волошин сообщал К. В. Кандаурову: «В Коктебель на все лето приехали Толстые и на зиму переселяются в Москву. Я очень рад этому. Мы с ним пишем вместе это лето большую комедию из современной жизни (литературной)» (ЦГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 41, л. 3).

¹⁰⁰ Владимир Ивашевич Ребиков (1866—1920) — композитор. Толстой мог слушать его игру в Коктебеле или Феодосии, где Ребиков находился летом 1912 г. (см.: Феодосийская газ., 1912, 12 июня). Отношение Толстого к игре Ребикова очевидно из гротесковой характеристики его манеры исполнения.

Сочинения Аменестра Х с примечаниями Пикилюсчи — по-видимому, шутливое наименование сочинений композитора.

¹⁰¹ Пра — мать поэта Волошина Елена Оттобальдовна (1849—1923).

¹⁰² Алексей Петрович Новицкий (1862—1934) — профессор, искусствовед, археолог, академик АН УССР (1926 г.). Имел в Коктебеле дачу.

¹⁰³ Иван Павлович Харламов — коктебельский дачевладелец, устроивший для приезжавших морские ванны.

¹⁰⁴ Мария Адриановна Дейша-Сионицкая (1861—1962) — оперная певица, профессор Московской консерватории. Имела в Коктебеле дачу. Именно у нее вначале жили приехавшие в Коктебель Толстые. Незадолго до отъезда на юг Толстой сообщал Волошину: «Мы думаем нанять комнату у Сионицкой» (*Куприянов*, с. 71).

¹⁰⁵ Фиалкин (Фиялкин) — своеобразная комическая литературная маска, придуманная Толстым. Имя Фиалкина присваивает себе в целях обмана герой романа Толстого «Две жизни» лакей Афанасий.

¹⁰⁶ Жизнь в Коктебеле Волошиных и их гостей отличалась массой придумок. «Между другими коктебельскими придумками был дельфин, который будто бы приплыл, чтобы его доили, и его молоком лечили слабогрудого Сережу Эфрана» (*Фейнберг*, с. 183). Этот коктебельский «миф» и обыгрывает Толстой в стихотворении.

¹⁰⁷ Людвиг Квятковский — молодой художник, живший у Волошиных (см. *Фейнберг*, с. 182).

¹⁰⁸ Мария Алексеевна Новицкая (1896—1965) — дочь А. П. Новицкого (см. примеч. 102).

¹⁰⁹ «И мастерская и кабинет Волошина были во всю высоту заставлены полками с книгами. (...) Книг было очень много, все очень ценное по литературе французской и русской, литературоведению, философии, теософии, искусствоведению, религии» (*Вересаев*, с. 48). Запись, по-видимому, представляет собой выписку из книги Г. Ольденберга «Будда: его жизнь, учение и община» (М., 1900), имевшейся в библиотеке Волошина.

¹¹⁰ Кузминизм — слово образовано от имени поэта М. А. Кузмина. Скорее всего, эта запись связана с какими-то воспоминаниями Толстого или Волошина. В статье Волошина «Похвала моралистам» (Русь, 1908, 9 апр.) упоминается «дама средних лет с бесцветным, наивным и страшно счастливым лицом», говорившая о «кузминизме» и «аннибализме».

¹¹¹ Архангельская — неустановленное лицо.

¹¹² Василий Устинович Дейша-Сионицкий, профессор, муж певицы (см. примеч. 104).

¹¹³ См. примеч. 38.

¹¹⁴ Валентина Васильевна Успенская — друг К. В. и А. В. Кандауровых (см. примеч. 144). В 1922 г. эмигрировала.

¹¹⁵ Художник Н. Н. Сапунов утонул в Териоках под Петербургом во время катания на лодке 14 июня 1912 г.

Веня и Вера — В. П. Белкин и В. А. Попова (см. примеч. 67, 68).

¹¹⁶ Ирина Владимировна Быстренина — танцовщица из Петербурга, участвовавшая в концертных выступлениях коктебельцев.

¹¹⁷ Аристарх Васильевич Лентулов (1882—1943) — живописец, театральный художник и педагог. С Лентуловым Толстой встречался в Москве. Дочь художника вспоминает: «Часто бывал у нас в доме Алексей Толстой, поклонник маминых пирогов, отец тогда с ним очень дружил» (*Лентурова М. Художник Аристарх Лентулов. М.: Сов. художник, 1969, с. 20*).

¹¹⁸ Григорий Спиридонович Петров (1868—1925) — писатель.

¹¹⁹ Как сообщала «Феодосийская газета» (1912, 27 июня), «Григорий Петров, проживавший в Коктебеле, выехал 22 июня в путешествие по Англии, Голландии и Египту».

¹²⁰ Михаил Николаевич — неустановленное лицо.

¹²¹ Манасеины — одни из основателей дачного поселка Коктебель. Вересаев называет доктора М. П. Манасеина в числе первых коктебельских поселенцев (*Вересаев, 476*). Против этой записи на полях Толстой написал: «Макс сказал: „Хорошо“».

¹²² Абсетар — коктебельский татарин, зимой 1906—1907 гг. сторожил дом Волошиных.

¹²³ Василий — работник Волошиных.

¹²⁴ Жора — возможно, Георгий Капитонович Гергилевич, преподаватель городского училища и частной гимназии, основанной в Феодосии его женой.

¹²⁵ У П. Н. Лампса.

¹²⁶ Юрий Львович Ракитин (Ионин); 1882—1952 — актер. В Феодосии выступил как режиссер театральной постановки пьесы Острожского «Золотая клетка» (см.: Голос Феодосии, 1912, 5 июля).

¹²⁷ Константин Федорович Богаевский (1872—1943) — живописец, график, друг Волошина.

¹²⁸ Возможно, имеется в виду Александра Михайловна Петрова (1871—1921), близкая знакомая М. А. Волошина.

¹²⁹ Коля Беляев — воспитанник П. Н. Лампса (см.: *Фейнберг*, с. 182).

¹³⁰ Согласно характеристике В. Вересаева, в Коктебеле «представительницей порядка, благовоспитанности и строжайшей нравственности была М. А. Дейша-Сионицкая. Представителем озорства, попрания всех законов божеских и человеческих, упоенного «эпатирования буржуа» был поэт Максимилиан Волошин» (*Вересаев, с. 476*). Толстой, участник многих волошинских затей, по-видимому, оказался «не ко двору» в доме Сионицкой.

¹³¹ В. И. Богословский — композитор.

¹³² Саввин — неустановленное лицо.

Дурант — фамилия, весьма распространенная в Феодосии, поэтому трудно установить, кто имеется в виду.

¹³³ Очевидно, занятия гимнастикой, самомассажем и дыхательными упражнениями по книге П. И. Мюллера «Моя система», неоднократно издававшейся на русском языке в 1900—1920-е годы.

¹³⁴ В дневниковой записи Р. М. Хин-Гольдовская пишет о сестрах Эфрон: «Девицы красивые с печальной судьбой (отец умер, мать была известной революционеркой, разочаровалась в революции, очутилась с многочисленной семьей в Париже. Там вследствие какой-то несчастной случайности — кажется, игры в смертную казнь — ее младший сын, мальчик лет тринадцати, найден был повешенным. Тогда, кажется, на другой день, повесилась и мать). После этого ужаса две сестры —莉莉 and Вера — и брат их Сергей перекочевали в Москву» (ЦГАЛИ, ф. 128, оп. 1, ед. хр. 22, л. 136, 136 об.).

¹³⁵ Коктебельское кафе «Бубны», принадлежавшее греку Синопли. Ри-

сушки на его стенах были сделаны художниками Лентуловым и Белкиным, шутливые надписи к ним — Толстым и Волошином.

¹³⁶ Никандр Александрович Маркс (1861—1921) — генерал, общественный деятель, ученый. В годы гражданской войны выступил в поддержку Советской власти. С 1920 г. — ректор Кубанского университета. Родные места Н. А. Маркса — деревушка Отузы, расположенная недалеко от Коктебеля (см.: *Вересаев*, с. 633).

¹³⁷ Речь идет о вечере «гармонии слова и жеста», состоявшемся в зале гимназии Гергилевич 4 июля 1912 г. В литературной части вечера выступили Волошин, Ракитин, Толстой, который прочел несколько своих сказок и отрывок из романа «Хромой барин» (см.: Голос Феодосии, 1912, 1 и 7 июля, Феодосийская газ., 1912, 6 июля).

¹³⁸ П. Н. Лампсай был не только судьей, но и поэтом. Его стихи сохранились (ЦГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 420, л. 1).

¹³⁹ На полях Толстой написал: «Зубы в браслете. Женщина. Семейная по-корность».

Мадам и м-ег Ларри — неустановленные лица. Б. Н. Липкин — художник, в 1912 г. посетил Коктебель.

¹⁴⁰ Ю. Л. Ракитин в 1905 г. работал под руководством Мейерхольда в театре-студии в Москве, в Товариществе новой драмы в Тифлисе. Сохранились письма Ракитина к Мейерхольду (ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2293).

¹⁴¹ Михаил Александрович Бецкий (Кобецкий) (1880—1937) — драматический актер. Работал с Мейерхольдом в Товариществе новой драмы.

¹⁴² Кадыкой — урочище под Коктебелем.

¹⁴³ Ольга Михайловна Мейерхольд (1879—1940).

¹⁴⁴ Кандауровы Константин Васильевич и Анна Владимировна — близкие друзья Толстого. К. В. Кандауров (1865—1930) — живописец, театральный художник, секретарь объединения «Мир искусства». Работал декоратором в московском Малом театре, способствовал постановке на его сцене пьесы Толстого «Насильники» (1913). Толстой переписывался с Кандауровыми, посвятил им рассказ «Трагик».

¹⁴⁵ Мария Капитоновна Петрова — жена Г. С. Петрова (см. примеч. 118). Добровольская — возможно А. И. Добровольская, актриса.

¹⁴⁶ Толстой, видимо, ошибся, датируя это событие. По сообщению «Крымского курортного листка» (1912; 25 июля), пикник состоялся в воскресенье вечером 22 июля на коктебельских холмах возле берега, куда прибыли гости из Феодосии — участники морской прогулки на лодках и небольшом пароходе. «Тут были и граф А. Толстой, и М. Волошин, и пианистка В. Попова, художники Лентулов, Белкин, артисты, певицы (...) Состоялся импровизированный концерт».

¹⁴⁷ Кузьмина-Караваева — см. примеч. 277.

¹⁴⁸ Запись сделана в Петербурге, где Толстой побывал в литературно-артистическом кафе «Бродячая собака».

¹⁴⁹ Николай Николаевич Евреинов (1872—1953) — режиссер и драматург.

¹⁵⁰ Виктория Владимировна Чекан (1888—1974) — артистка, певица А. А. Мгеброва (см.: *Пласт*, с. 236).

¹⁵¹ Александр Авельевич Мгебров (1884—1966) — актер и режиссер.

¹⁵² Александр Яковлевич Таиров (1885—1950) — театральный деятель, режиссер. Возглавлял Камерный театр в Москве. В 30-е годы поставил пьесу Толстого «Чертов мост».

¹⁵³ Н. Н. Евреинов.

¹⁵⁴ Федор Давыдович Высоцкий — московский чаеторговец, собиратель живописи. О посещении Толстым вечеров и салонов московских меценатов (после переезда осенью 1912 г. в Москву) сообщает в своих мемуарах С. И. Дымшиц-Толстая (см.: *Воспоминания*, с. 72—73).

¹⁵⁵ Николай Павлович Рябушинский (1876—1951) — крупный капиталист, меценат, издатель журн. «Золотое руно».

¹⁵⁶ «Лапик» и Л. М. — неустановленные лица.

¹⁵⁷ Возможно, Николай Сергеевич Кругликов (1861—1920), брат художницы Е. Кругликовой (см.: *Кругликова*, с. 118).

¹⁵⁸ Речь, по-видимому, идет об актрисе Ольге Николаевне Высотской (1885—1966), знакомой В. Э. Мейерхольда.

¹⁵⁹ Савва Тимофеевич Морозов (1862—1905) — фабрикант, один из пайщиков и директоров Художественного театра.

¹⁶⁰ Видимо, М. Л. Тургеневой. Запись использована Толстым в рассказе «Трагик».

¹⁶¹ Толстой слушал поэта Н. А. Клюева 15 и 16 октября 1912 г. «Его стихи, — писал Толстой К. Ф. Некрасову 16 октября 1912 г., — более чем талантливы» (ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 2, ед. хр. 40, л. 8). В данном случае речь идет, по-видимому, об одной из последующих встреч с поэтом.

¹⁶² Маргарита Кирилловна Морозова (урожд. Мамонтова); 1873—1958 гг. — жена фабриканта М. А. Морозова, меценатка. В ее салоне, по словам С. И. Дымшиц-Толстой, «господствовали англоманские вкусы. (...) Гости были люди солидные, все больше профессора» (*Воспоминания*, с. 73). У Морозовой собирался философский кружок, который воглавил Евгений Трубецкой (см.: *А. Белый*, с. 297).

¹⁶³ Василий Дмитриевич Милиоти (1875—1943) — живописец.

¹⁶⁴ В августе 1912 г. Толстой предложил на суд Немировича-Данченко свою пьесу «День Ряполовского» в надежде увидеть ее на сцене Художественного театра. Но, познакомившись с пьесой, Владимир Иванович отклонил ее (это, видимо, как раз и произошло осенью). Немирович-Данченко, вспоминает Толстой, сказал тогда, «что пьеса моя интересная, но ставить ее нельзя — трудно. Он также посоветовал мне ее нигде не печатать, и, если можно, нигде не показывать» (Толстой А. Н. ПСС, т. XV, с. 326—327).

«Веселая смерть» — арлекинада в одном действии. Шла в театре Незлобина.

¹⁶⁵ Костя — К. В. Кандауров. По приезде в Москву Толстые некоторое время жили у Кандауровых (см.: *Воспоминания*, с. 72).

¹⁶⁶ Александр Иванович Южин (Сумбатов); 1857—1927 — актер и театральный деятель, руководитель Малого театра в Москве. Южин один из первых положительно оценил драматургическое дарование Толстого и положил начало сотрудничеству писателя с актерами Малого театра.

¹⁶⁷ Осип Андреевич Правдин (Оскар Августович Трейлебен; 1849—1921) — актер, педагог, с 1905 г. — член режиссерского совета Малого театра.

¹⁶⁸ Сергей Владимирович Носов (ум. 1913) — актер и режиссер Малого театра.

Катерина Васильевна — неустановленное лицо.

¹⁶⁹ Иван Степанович Платон (1870—1935) — режиссер Малого театра, драматург.

¹⁷⁰ Борис Константинович Зайцев (1881—1972) — писатель. В 1922 г. эмигрировал. Автор антисоветского романа «Золотой узор» (1926).

¹⁷¹ Ходженинов — неустановленное лицо.

¹⁷² С семьей Мусиных-Пушкиных Толстой познакомился еще во время учебы в Сызрани. В их доме Толстой играл в любительских спектаклях (см.: *Крестинский*, с. 22). Данные архивов позволяют считать, что в записи идет речь о трех братьях: Всеволоде Юрьевиче (жил в Москве; Криво-Никольский, д. 3), Борисе Юрьевиче (Георгиевиче) и младшем брате Александре Юрьевиче («Саша»), который стремился стать литератором. В ЦГАЛИ сохранилась пьеса А. Ю. Мусина-Пушкина «Волчий зов» (ф. 1720, оп. 1, ед. хр. 273).

¹⁷³ Возможно, речь идет о родственниках Толстого: его дед, Александр Петрович, женился на московской купчихе Александре Васильевне Устиновой (см.: *Крестинский*, с. 3).

¹⁷⁴ Евфимия Павловна Носова (урожд. Рябушинская; р. 1883) — известная московская меценатка, содержала салон. После 1917 г. жила за границей.

¹⁷⁵ Константин Андреевич Сомов (1869—1939) — художник, член объединения «Мир искусства», академик живописи. С 1923 г. жил в Париже. Написал портрет Е. П. Носовой. Толстой был знаком с Сомовым (см.: *Воспоминания*, с. 28).

¹⁷⁶ Мира — неустановленное лицо.

¹⁷⁷ Очевидно, Надежда Григорьевна Чулкова (1874—1961) — жена поэта Г. И. Чулкова (см. примеч. 49).

¹⁷⁸ Кругликовы — семья художницы Е. С. Кругликовой, знакомой Толстого по Парижу. «Жила семья на Арбате, в небольшом деревянном доме» (Кругликова, с. 72).

¹⁷⁹ Художники Браиловские: Римма Никитична (1877—1959) и Леонид Михайлович (1867—1937). После 1917 г. уехали за границу. Л. М. Браиловский оформлял спектакли Малого театра, в том числе и спектакль по пьесе Толстого «Насильники» (Малый театр СССР: 1824—1974. М.: ВТО, 1978, т. 1, с. 711).

¹⁸⁰ Иван Алексеевич Новиков (1877—1959) — писатель.

¹⁸¹ Возможно, Николай Григорьевич Шкляр (1878—1952) — писатель.

¹⁸² Аркадий Павлович Зонов (1875—1922) — театральный деятель.

¹⁸³ Волошины жили в Москве вместе с Эфронами. Волошин называл эту квартиру на Сивцевом Вражке, где собирались близкие им по духу и образу жизни люди, полууштывым-полусерьезным наименованием «обормотник» (см.: Хин-Гольдовская Р. М. Дневник. — ЦГАЛИ, ф. 128, оп. 1, ед. хр. 22, л. 136—137). Как вспоминает А. Цветаева, название «обормотник» было придумано, «кажется, Алексеем Николаевичем Толстым» (А. Цветаева, с. 420).

¹⁸⁴ Марина Ивановна Цветаева (1892—1941); русская поэтесса; ее муж — Сергей Яковлевич Эфрон (1893—1941), брат Веры и Лили Эфрон.

¹⁸⁵ Московский театр миниатюр, организованный Н. Ф. Балиевым.

¹⁸⁶ Федор Федорович Комиссаржевский (1882—1954) — режиссер, педагог, теоретик театра. С 1910 г. работал в Москве, ставил спектакли в театре Нелзобина, Малом театре. Толстой поддерживал с Комиссаржевским дружеские отношения, переписывался.

Запись сделана, предположительно, в начале 1913 г.

¹⁸⁷ Анфиса Ивановна Комиссаржевская (Протопопова) — певица, в первом браке жена Ф. Ф. Комиссаржевского.

¹⁸⁸ Анастасия Ивановна Цветаева (р. 1894) — писательница, переводчик, мемуарист, сестра М. И. Цветаевой. Ее муж в первом браке — Борис Сергеевич Трухачев.

¹⁸⁹ Аделаида Казимировна Герцык (1870—1925) — поэтесса, друг Цветаевых и Волошиных.

¹⁹⁰ Володя — неустановленное лицо.

¹⁹¹ Мартирос Сергеевич Сарьян (1880—1972). В 1910-е годы Толстой дружил с Сарьяном. В письме К. В. Кандаурову из Коктебеля (лето 1914 г.) Толстой просил передать Сарьяну «горячий привет» (ЦГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 195, л. 5).

¹⁹² Рассказ, услышанный от режиссера Малого театра И. С. Платона, послужил основой для рассказа Толстого «Трагик» (опубликован впервые: Рус. ведомости, 1913, 23 апр.).

¹⁹³ Василий Николаевич Масютин (р. 1884) — художник.

¹⁹⁴ Борис Александрович Лазаревский (1871—1936) — писатель. С 1920 г. — в эмиграции.

¹⁹⁵ Евдокия Ивановна Лосева (урожд. Чижова; 1881—1936) — ученица Валентина Серова; светская дама, содержала салон. «Здесь, у этой дамы, — вспоминает Г. Чулков, — я познакомился с московским художниками — Ульяновым, Милиоти, Павлом Кузнецовым, Крымовым, Феофилактовым и многими другими. Впоследствии в этом салоне появились не только художники, но и философы и поэты. (...) Несмотря на свое положение светской женщины, она сумела оставаться художницей, добрым товарищем и человеком, совершенно свободным от „буржуазных предрассудков“» (Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930, с. 266, 267).

¹⁹⁶ Генрих Эдмундович Таставен (1881—1915) — сотрудник журн. «Золотое руно», литературный критик.

¹⁹⁷ Возможно, имеется в виду незаконченный роман «Егор Абозов», над которым Толстой начал работать в 1911 г.

¹⁹⁸ Николай Петрович Крымов (1884—1958) — художник-пейзажист.

¹⁹⁹ Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884—1942) — книгоиздатель. Вручая ему оттиск своего рассказа «Пасынок», Толстой написал: «Александру Мелентьевичу Кожебаткину с дружеским приветом 20 января 1918 г. Гр. А. Н. Толстой» (ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 1, ед. хр. 155, л. 1).

²⁰⁰ Т. е. у Вс. Ю. Мусина-Пушкина. Саша — А. Ю. Мусин-Пушкин. Зубов, Леля, Томоркова — неустановленные лица.

²⁰¹ Лиля — Елизавета Яковлевна Эфрон (1885—1976). Чтение стихов Мариной с Асей. В своем дневнике Р. М. Хин-Гольдовская записала в 1913 г.: «Стройные, хорошецкие, в старинных платьях, с детскими личиками, детскими нежными голосами, с детскими вздохами, по-детски нараспев читают, стоя рядышком у стенки, чистые, трогательные, милые стихи... Ужасно странное впечатление! Какое-то далекое-далекое, забытое, не нынешнее, словно на миг мелькнувшее во сне прошлое, которое сейчас-сейчас исчезнет» (ЦГАЛИ, ф. 128, оп. 1, ед. хр. 22, л. 24).

²⁰² В феврале 1913 г. Толстой познакомил В. И. Немировича-Данченко со своей пьесой «Дуэль», написанной для Художественного театра (см.: Крестинский, с. 90—91).

Василий Немирович — брат В. И. Немировича-Данченко.

²⁰³ Общество «Свободная эстетика» основано в 1907 г. В. Я. Брюсовым и И. И. Троюновским. Просуществовало до 1917 г. В 1910 г. в общество входило 147 человек (см.: Валентин Серов в воспоминаниях. Л.: Художник РСФСР, 1971, т. 2, с. 341).

²⁰⁴ Возможно о В. Я. Брюсове.

²⁰⁵ Вероятно, историк, юрист и политический деятель Сергей Андреевич Котляревский (1873—1940).

²⁰⁶ Генриэтта Леопольдовна Гиршман (урожд. Леон; 1885—1970) — жена московского фабриканта и коллекционера живописи В. О. Гиршмана.

²⁰⁷ Анна Алексеевна Городецкая (урожд. Белоконь; ? — 1946).

²⁰⁸ Быть может, Николай Алексеевич Толстой — журналист, сотрудник периодических изданий (в ЦГАЛИ хранятся его письма В. Г. Дружинину и С. П. Мельгупову).

²⁰⁹ Илья Львович Толстой (1866—1933) — писатель, мемуарист, сын Л. Н. Толстого.

²¹⁰ Фрумсон — неустановленное лицо.

²¹¹ Сергей Георгиевич Кара-Мурза (1878—1956) — театролог, театральный критик, друг Толстого.

²¹² Возможно, Ефим Львович Янтарев (Бернштейн), поэт. Выяснить, о ком идет речь в рассказе Янтарева, не удалось.

Мухмина, Рошина — неустановленные лица.

²¹³ Рафель Мироновна Хин-Гольдовская (1863—1928) — прозаик, автор пьес, шедших в Малом театре. Толстой бывал у Гольдовской, переписывался с ней. Вечер, устроенный Гольдовскими, состоялся 2 марта 1913 г. В дневнике Хин-Гольдовской за 1913 г. есть запись о более раннем визите Толстых: «Вторник, 8 января. Вчера были Толстые и Волошин. Посидели у нас до 12 часов. Толстые мне понравились, особенно он. Большой, толстый, прекрасная голова, умное совсем гладкое лицо, молодое, с каким-то детским упрямо-лукавым выражением» (ЦГАЛИ, ф. 128, оп. 1, ед. хр. 22, л. 5).

Онисим Борисович Гольдовский — юрист, кандидат прав, присяжный поверенный.

Сведений о гостях Гольдовской, упоминаемых Толстым, разыскать не удалось.

²¹⁴ Михаил Пелипидович Латри (р. 1875) — художник, знакомый Волошина, Толстого и Кандауровых, жил в Крыму.

²¹⁵ Анну Владимировну Кандаурову.

²¹⁶ Сергей Александрович Щербатов (ум. 1962) — князь, художник. В 1913 г. Толстой жил в доме, принадлежавшем Щербатову (Новинский бульвар, 101).

Полина Ивановна Щербатова (ум. 1966) — жена С. А. Щербатова. После 1917 г. Щербатовы жили во Франции. Как вспоминает С. И. Дымшиц-Толстая, Щербатова, «вышедшая из крестьянской среды, превратилась благодаря „режиссуре“ князя в стилизованную аристократическую „даму с собачкой“» (Воспоминания, с. 73).

Сведений о старухе Плонской разыскать не удалось.

²¹⁷ Миша — видимо, еще один из братьев Мусиных-Пушкиных (см. примеч. 172). В объявлении о торгах, опубликованном в «Симбирских губернских

ведомостях» (1913, 23 марта), указаны Мусины-Пушкины: Борис, Всеволод, Александр и Михаил Георгиевичи.

Ивановский — знакомый Мусиных-Пушкиных.

²¹⁸ Б. Ю. Мусин-Пушкин.

²¹⁹ Ф. Ф. Комиссаржевский.

²²⁰ «Гамлет» шел в МХТ в 1911—1914 гг. Ставить трагедию Шекспира был приглашен английский режиссер, художник и теоретик театра Эдуард Гордон Крэг (1872—1966), работавший над спектаклем вместе с К. С. Станиславским и Л. А. Суллержицким.

²²¹ Мюр и Мерилиз — универсальный магазин в Москве.

²²² «Максим» — модное московское кабаре и театр-варьете.

²²³ Имеется в виду спектакль МХТ, состоявший из трех небольших комедий И. С. Тургенева: «Нахлебник», «Где тонко, там и рвется», «Провинциалка». Станиславский играл в «Провинциалке» 12 марта 1913 г. роль графа Любина (см.: Виноградская И. Жизнь и творчество К. С. Станиславского: Летопись. М.: ВТО, 1917. Т. 2: 1906—1915, с. 381; Театр, 1913, 12 марта).

²²⁴ В марте 1913 г. К. С. Станиславский проводит в студии Художественного театра опыты по созданию драматических сцен и пьес совместными усилиями драматурга и актеров, привлекает к работе в студии Толстого, проявившего большой интерес к этим опытам (см.: Виноградская И. Жизнь и творчество К. С. Станиславского, т. 2, с. 375—376).

²²⁵ Любовь Никитична Столица (урожд. Ершова; 1884—1934) — поэтесса. С 1920 г. жила за границей.

²²⁶ Третьякова — неустановленное лицо.

²²⁷ У Филиппова — т. е. в «Филипповской кофейной» на Тверской, принадлежавшей булоочнику Д. И. Филиппову.

Герман — неустановленное лицо.

²²⁸ Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873—1944) — литовский поэт. В 1910-е годы примыкал к русским символистам.

²²⁹ У Вяч. Иванова.

²³⁰ Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович, 1867—1945). В 1911 г. по его инициативе было создано «Книгоиздательство писателей в Москве», в котором издавались и произведения Толстого.

²³¹ Александр Тихонович Гречанинов (1864—1956) — композитор. В 20-е годы уехал за границу.

М. Г.— Мария Григорьевна Гречанинова (урожд. Средина), жена А. Т. Гречанинова.

²³² Толстой писал 9 марта 1913 г. А. А. Бострому: «23 марта я еду в Париж, Соня — 1 апреля (без обмана). Там мы пробудем до августа и вернемся в Россию» (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 21, л. 21).

26 марта Е. С. Кругликова сообщала брату из Парижа: «Вчера приехал Ал. Ник. (Толстой). Я его встретила на вокзале и водворила в пансион „Жене“» (Кругликова, с. 10).

²³³ Николай Васильевич Досекин (1863—1935) — живописец, пейзажист.

²³⁴ Лис — неустановленное лицо.

²³⁵ Берлинер — неустановленное лицо.

²³⁶ Елизавета Сергеевна Кругликова (1865—1941) — русская советская художница, гравер. С 1900 г. по 1914 г. жила в Париже, имела там мастерскую. В 1913 г. Алексей Николаевич сблизился с художниками, друзьями Кругликовой. В апреле 1913 г. Толстой писал К. В. Кандаурову из Парижа: «Здесь после завтрака мы собираемся в нашем клубе — в кабачке против Люксембурга. Соня и я, Якулов, Досекин, Кругликова и прочие. В Париже время летит спокойно, радостно, хорошо» (ЦГАЛИ, ф. 796, оп. 1, ед. хр. 195, л. 1).

²³⁷ Федор Августович Степун (1884—1965) — философ, историк и социолог культуры.

²³⁸ Возможно, имеется в виду универсальный магазин на бульваре Ля-Файет.

²³⁹ Симон Люсьен (1861—1945) — французский живописец. Установить, о какой из его картин идет речь, не удалось.

²⁴⁰ Бал Бюлье — один из публичных балов, являвшихся парижской достопримечательностью. Посещался преимущественно учащейся молодежью. Танц-

зал был расположен «напротив „Клозери де Лиля“ (...) Толстые иногда туда ходили» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь.— Эренбург И. Собр. соч.: В 9-ти т. М.: Гослитиздат, 1966, т. 8, с. 129).

²⁴¹ Речь идет о норвежском художнике Дириксе (см. там же, с. 123).

²⁴² Георгий Богданович Якулов (1884—1928) — живописец, театральный художник.

²⁴³ Е. С. Круглякова.

²⁴⁴ Устинов — по-видимому, Борис Эмильевич Устинов, брат В. Э. Мейерхольда, который в это время находился в Париже (см. письма Устинова Мейерхольду.— ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2479, л. 30—57). Кто такой Крысон, выяснить не удалось.

²⁴⁵ Широков — см. примеч. 86.

²⁴⁶ Речь идет о Мусиных-Пушкиных.

В. И., Асмолова — неустановленные лица.

²⁴⁷ Летом 1913 г. Толстой совершил поездку по Симбирской и Самарской губерниям, посетил своих родственников — дворян, местных помещиков. Впечатления от поездки были использованы художником в повести «Приключения Растегина».

²⁴⁸ Речь, очевидно, идет о Нине Никаноровне Анненковой, знакомой или родственнице тетки Толстого М. Л. Тургеневой. В ЦГАЛИ сохранилось датированное мае 1913 г. письмо В. Топачевского Н. Н. Анненковой (для передачи М. Л. Тургеневой), направленное по адресу: почт. ст. Анненково Симбирской губернии (ЦГАЛИ, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 54, л. 20).

Некоторые черты характера и внешности Анненковой и, в частности, ее мистицизм, неожиданные для женщины сапоги, послужили Толстому для характеристики барыни Тимофеевой в «Приключениях Растегина».

²⁴⁹ Некоторые записи, сделанные во время поездки по Волге (разговор полковника и морского офицера, встреча с рыжим попиком на пароходе), использованы Толстым в повести «Большие неприятности» (1914).

²⁵⁰ Володя М. и Арбузов — неустановленные лица.

²⁵¹ Шаманская и ее подруга — неустановленные лица.

²⁵² Толстой был знаком с семьей Девятовых с детских лет. Владимир Родионович Девятов служил волостным писарем в селе Колокольцевка недалеко от хутора Сосновка, где рос Толстой. Писатель не раз встречался с детьми Девятовых и дружил с одним из них — Николаем.

²⁵³ Тетя Лиза — родственница Толстого. Видимо, о ней упоминает Л. Н. Комаров в письме М. Л. Тургеневой от 27 ноября 1909 г.: «Напишите мне, как выберете времечко, о Саше и тете Лизе» (ЦГАЛИ, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 31, л. 5).

²⁵⁴ Семья композитора А. Т. Гречанинова, по-видимому, отдыхала на Волге близ Свияжска.

²⁵⁵ Сергей Юрьевич Судейкин (1882—1946) — живописец, театральный художник (см.: Воспоминания, с. 66).

²⁵⁶ Катерина — неустановленное лицо.

²⁵⁷ А. Т. и М. Г. Гречаниновы.

²⁵⁸ Полочаниновы и Ушаковы — симбирские помещики. (см.: Поливанов В. Н. Материалы к истории симбирского дворянства / Собранны и изданы В. Н. Поливановым. Симбирск, 1900, с. 34, 43).

Запись о Борисе П. использована Толстым в характеристике Семочки Окоемова («Приключения Растегина»).

²⁵⁹ Пастухов (Берже) — неустановленное лицо.

²⁶⁰ Эпизод с вызовом на дуэль в переработанном виде вошел в первоначальный текст повести «Приключения Растегина».

²⁶¹ Чердаклы — центр Чердаклинской волости Ставропольского уезда (см. Список населенных мест Самарской губернии. Самара, 1910, с. 88).

²⁶² Имение Войкино принадлежало Григорию Константиновичу Татаринову, двоюродному дяде Толстого. Расположено на реке Урень в 8-ми верстах от железнодорожной станции (см. там же, с. 89).

²⁶³ Шапрон — местные землевладельцы. Упомянуты в воспоминаниях М. Л. Тургеневой: «Шапрон купили Ивановское» (ЦГАЛИ, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 10, л. 67).

²⁶⁴ Характерная для Толстого запись, содержащая фамилии его будущих героев — Окоемова и Растегина.

Аржавитиновы — симбирские дворяне (см.: *Поливанов В. Н. Материалы к истории Симбирского дворянства*, с. 10). Толстой использовал эту фамилию в измененном виде, назвав в «Приключении Растегина» одного из героев-помешанников Ржавитиновым.

Аплечеевы — родственники Толстого.

²⁶⁵ Клавдия Михайловна Татаринова — жена Г. К. Татаринова (см. примеч. 262), хозяйка имения Войкино, как вспоминает С. И. Дымшиц-Толстая, «в прошлом сирота, воспитанница Татариновых» (*Воспоминания*, с. 60).

Сведений о лицах, упомянутых в рассказе К. М. Татариновой, разыскать не удалось.

²⁶⁶ Запись использована Толстым для характеристики отношений помещика Дыркина и его содержанки Раисы в повести «Приключения Растегина».

²⁶⁷ Усадьба Д. А. Миловзорова располагалась на реке Урень в 12 верстах от железнодорожной станции (см.: *Список населенных мест Самарской губернии*, с. 75).

²⁶⁸ Возможно, Л. Н. Комаров; см. примеч. 78.

²⁶⁹ Шишковы — родственники Толстого. Сведений о Бабкине и Ушаковой разыскать не удалось.

²⁷⁰ Эта и последующая записи сделаны, очевидно, уже в Москве.

²⁷¹ О какой постановке «Горя от ума» идет речь, выяснить не удалось.

²⁷² Якуловская кухарка (т. е. кухарка Якулова) — неустановленное лицо.

Дживелегова — жена Алексея Карповича Дживелегова (1875—1952), искусствоведа и театроведа.

Койранская — жена поэта и журналиста Александра Арнольдовича Койранского.

²⁷³ Леонид Кандауров — брат художника К. В. Кандаурова.

²⁷⁴ Александр Леонидович Вишневский (1861—1943) — актер.

²⁷⁵ Вера Николаевна Пащенная (1887—1962) — драматическая актриса. С 1907 г. и до конца жизни — в труппе Малого театра. Исполняла роль Нины Александровны Степановой в спектакле по пьесе Толстого «Насильники» (см.: *Театр*, 1913, 29 сент., 2 окт.).

²⁷⁶ Валерьян Валерьевич Бородаевский (1879—1923) — поэт-символист.

Алексей Аполлонович — отчим Толстого А. А. Бостром.

Сведений о Позднякове разыскать не удалось.

²⁷⁷ Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (урожд. Пиленко; 1891—1945) — поэтесса. Участвовала во французском движении Сопротивления. Автор воспоминаний «Встречи с Блоком», где рассказала и о своих встречах с Толстым осенью 1913 г.: «Месяца через полтора после приезда встречаю случайно на улице первую петербургскую знакомую Софью Исааковну Толстую. Она с мужем тоже переехала в Москву, живут близко от меня на Зубовском бульваре. Зовет к себе. (...) Вскоре опять, 26 ноября, мы вместе с Толстым у В. Иванова на Смоленском» (Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1968, вып. 209, с. 270—271).

²⁷⁸ Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев — юрист, историк, синдик «цеха поэтов».

²⁷⁹ Шмит — неустановленное лицо.

²⁸⁰ Исаи Александрович Добровейн (1891—1953) — пианист, композитор и дирижер. Толстой бывал на концертах Добровейна в годы первой мировой войны (см.: *Крандиевская*, с. 104).

²⁸¹ О ком идет речь, установить не удалось.

²⁸² У Толстого ошибочно: «О портном».

²⁸³ Эта и несколько последующих записей относятся ко времени первой мировой войны. Однако трудно говорить об их точной датировке и последовательности; среди них есть вклейки из другой записной книжки («Рассказ Веры о раненом», «Вспомнить, как в Киеве...» и др.)

²⁸⁴ В доме Наталии Васильевны Крандиевской (1888—1963), ставшей вскоре женой Толстого (см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской).

В годы первой мировой войны Крандиевская «занялась сестрой в лазарете при скановом обществе» (*Крандиевская*, с. 72).

²⁸⁵ Вера — неустановленное лицо.

²⁸⁶ Лисенков — неустановленное лицо.

²⁸⁷ Костя — К. В. Кандауров.

Аня — А. В. Кандаурова (см. примеч. 144).

²⁸⁸ Во второй половине августа 1914 г. Толстой выехал из Москвы на фронт через Киев (см.: *Крестинский*, с. 101).

²⁸⁹ Федор Акимович Волькенштейн (1874—1937), муж Н. В. Крандиевской.

²⁹⁰ Надежда Васильевна Крандиевская (1891—1963), сестра Наталии Крандиевской.